

**Историко-краеведческий и литературный альманах
«Троицкий летослов»
Второй выпуск**

Когда люди впадают в тяжёлую беду и не видят выхода из неё ни в окружающих условиях жизни, ни в тех учениях и идеях, коими они привыкли руководствоваться, то, оглядываясь туда и сюда, они стремятся вспомнить тех учителей и пророков, которые в своё время старались вразумить их.

Из «Словаря к творениям Ф.М. Достоевского»

**Московская область
Троицк
2008**

Вид на Троицк с северо-запада. Июль 2006 года.

В выпуске использовались фотографии Р. Ахмерова, В. Сулягина и авторов.

Сергей Сергеевич Санков

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАЛУЖСКОЙ ДОРОГЕ

Досужему автомобилисту, решившему проехать по *Калужскому шоссе* (А-101), едва ли имеет смысл настраиваться на долгую дорогу. Даже с учётом многочисленных светофоров и возможных пробок весь путь от *Московской кольцевой автомобильной дороги* (МКАД) до знака «STOP» на Т-образном перекрёстке с *Варшавским шоссе* займёт не более одного часа. Самая длинная в Москве Профсоюзная улица (11 км) практически незаметно, если не считать стационарного поста ДПС на выезде, переходит от МКАД в одно из самых коротких в Московской области шоссе – Калужское (43 км). Развивающийся гипермаркет слева и гигантский строительный рынок справа, соединённые современной автомобильной развязкой, затем поворот на Николо-Хованское кладбище с транзитным проездом на *Киевское шоссе*, видимое издали величественное здание «Мострансгаза» и «Межрегионгаза» из стекла и бетона, таун-хаус «Дубровка» с кафе и магазинами – всё это ещё какое-то время позволяет ощущать присутствие мегаполиса. Но в то же время обступившие дорогу былинные леса и почти девственные заросли разнотравья ощутимо навевают на путешественника романтику Подмосковья. Впечатления

эти обретают уже полузабытые очертания деревенской обыденности в первом же оказавшемся на пути селе *Сосенки*. Ещё недавно столичный пригород встречал путешественника рядами торговцев всякой всячиной: от клубники, выращенной будто бы в здешних садах, до эксклюзивной дачной мебели, изготовленной тут же или привозной, – неизвестно, но уходящая корнями в стародавние времена и долгие годы казавшаяся неизменной традиция лоточного сбыта сельхозпродукции «от местного производителя» в последнее время выдавливается с обочин в павильоны.

Разумеется, подлинным украшением и главной достопримечательностью любого русского села является православный храм. В старину Сосенки были вотчиной московского Симонова монастыря и назывались *Соснино*. Основанный учеником преподобного Сергия Радонежского Феодором, Симонов мужской монастырь располагался на берегу Москвы-реки против Дербеневской набережной. В 1788 году обитель упразднили, но в 1795-м восстановили, а в 1812-м она подверглась разорению от французов. Пользуясь почти с самого основания благосклонностью именитых бояр и простых граждан, Симонов монастырь считался исстари одним из первых, в XIX столетии достигнув наивысшего процветания. В нижнем ярусе иконостаса его главного Успенского собора, уцелевшего от времени основания монастыря, находились замечательные по своей древности иконы: Успения Божией Матери, Живоначальной Троицы и Тихвинская икона Божией Матери; здесь же в специально устроенном Казанском приделе хранилась Симоновская Казанская икона Богородицы, принадлежавшая прежде епископу Тихону Воронежскому и прославившаяся в 1832 году чудесным исцелением тяжело больной женщины. В 1839 году монастырь украсился недошедшей до наших дней величественной колокольней, зато сохранился вырытый преподобным Сергием пруд, обсаженный берёзами и обнесённый валом. В день Преполовления сюда приходил монастырский крестный ход. Сегодня на месте первоначального основания монастыря в приходской церкви Рождества Христова (ул. Восточная, 6) покоятся останки героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, над их гробницей в начале XX века возвышался шатёр из чёрного дуба.

Появление в монастырской вотчине Соснино первой церкви (деревянной) в честь Казанской иконы Божией Матери писцовые книги относят к 1672 году, что собственно и сделало Сосенки селом. Столетие спустя (1772) обветшавшая церковь была восстановлена, а в 1887-м купцом А.С. Юдиным по проекту архитектора С.К. Тропаревского выстроен каменный, тоже Казанский, храм с приделами в честь святителя Николая Чудотворца и святого благоверного князя Александра Невского. В советское время в церковном строении располагались то машинно-тракторная мастерская, то хлебопекарня, после них завод фруктовых вод сменил кабак, а колокольня служила им и всему селу водонапорной башней. Храм был возвращён Московской епархии в 1993 году, и постепенно в нём восстановилось былое благолепие. В 2006-м к паперти храма подвели стеклопластиковую трубу пешеходного перехода.

От Сосенок до единственного на Калужском шоссе города окрестный пейзаж уже типично подмосковный, да и сам Троицкий научный центр представлен с дороги в основном железобетонными заборами с колючей проволокой, как советский символ секретности и государственной важности проводимых за ними работ.

Современный **Троицк** – это областного подчинения «городской округ» без пригородов, жители которого по формально-интеллектуальному цензу уверенно лидируют даже среди российских наукоградов – 36% троичан с вузовскими дипломами. Говорят, что из проживающих здесь 35 тыс. человек более 4500 научных работников, в том числе 7 академиков РАН, 6 членов-корреспондентов, 220 докторов и 660 кандидатов наук. Неустойчивые цифры ползучей статистики в целом верно отражают сложную ментальность горожан, хотя, конечно, условны, особенно в части регистрации населения, поскольку на состоявшихся 2 марта 2008 года выборах президента Российской Федерации Троицкий избирком заказал 29405 избирательных бюллетеней, из них 9040 пришлось на пенсионеров. Тем не менее, наличный потенциал десяти (или 11) расположившихся здесь научно-исследовательских институтов в январе 2007 года позволил предъявить на рынок высоких технологий долгожданный юридический бренд «Троицк-наукоград».

Впрочем, уровень школьного обучения выглядит весьма достойно – ежегодно более 70% выпускников Троицка поступают в высшие учебные заведения. В городе шесть детсадов с дошкольным и три с дополнительным образованием, лицей, две гимназии, пять разно-профильных общеобразовательных школ и одна начальная, плюс Фонд новых технологий «Байтик», в котором обучаются компьютерной грамотности до 1500 детей в год. Вполне заслуженной популярностью пользуются у жителей: Культурно-досуговый центр (директор Атакишиева Наталья Анатольевна) с уютным концертным залом, Троицкий городской Дом учёных (д-р Мирмова Наталья Алексеевна) с кружками и студиями для детей и взрослых, Культурно-технический центр ТРИНИТИ с прекрасным выставочным залом (д-р Карелова Ирина Валентиновна), замечательная библиотека № 1 им. Михайловых (заведующая Подорожная Людмила Григорьевна), детская музыкальная школа им. М.И. Глинки (д-р Моисеева Ирина Николаевна), детская художественная школа (д-р Василищева Инна Валерьяновна), детская школа искусств (д-р Титаренко Елена Ивановна) и Центр детского творчества (д-р Савицкая Ирина Алексеевна).

*Культурные традиции в с. Троицком поддерживали ещё фабриканты Прохоровы.
Народные гуляния в фабричном парке. 1970-е г.г.*

Спортивный Троицк стабильно пополняет копилку своих побед, ежедневно наращивая мышцы и совершенствуя состязательный дух на городских специализированных площадках. Здесь три детско-юношеские спортивные школы, стадион, два плавательных бассейна, спортбаза «Лесная» (д-р Терёхин Андрей Станиславович) с освещённой лыжно-велосипедной трассой в пучковском лесу, а с июня 2007 года тренировки спортсменов проходят и в физкультурно-оздоровительном комплексе «Квант» (д-р Матвеев Илья Андреевич), отстроенного в рамках целевой губернаторской программы развития физкультуры и спорта в Подмосковье. Комфортный простор вместительного «Кванта», равно как и притягательная чистота здорового воздуха зелёного массива спортбазы, позволяют организаторам проводить масштабные соревнования физкультурников. Пешеходные летом и лыжные зимой, тропы пучковского леса хорошо знакомы каждому троичанину, ведь на них выросло не одно поколение любителей активного отдыха.

Троицкие физкультурники старшего поколения. 1963 год.

Плотное кольцо лесов до настоящего времени бережёт практически безукоризненную городскую экологию, недаром в 1957 году вместо Дома отдыха минсредмаша «Красная Пахра» в его корпусах разместили одноименный детский кардиоревматологический санаторий № 20, работающий поныне. Вообще Троицк буквально *ежечасно* на слуху у каждого метеочувствительного россиянина, т.к. новостные программы всех отечественных СМИ озвучивают сводки Гидрометцентра об атмосферном давлении «по данным Института земного магнетизма», с 1946 года Постановлением И.В. Сталина находящегося в нашем «сердцеграде».

Как положено, за городским хозяйством круглосуточно присматривает ГО и ЧС, а проще говоря – пожарная часть, что на 41 км, и отсюда уже рукой подать до **Красной Пахры**; тут шоссе, детище прошедшего столетия, сливается с проторенным веками трактом – Старокалужской дорогой. Знакомые со школьной скамьи вехи Отечественной войны 1812 года – Красное, Вороново, Тарутино, – знаменитый проход армии Кутузова, отрезавшей Наполеону путь к Туле и Калуге.

Если в наши дни Калужское шоссе выглядит как стремительно развивающийся юго-западный район Подмосковья, то перед глазами путешественника XVII века предстала вполне патриархальная картина повседневной русской жизни. До XVII века эти места были мало заселены по сравнению, скажем, с севером Московии, что было связано с непрекращающейся долгое время угрозой с запада, прежде всего со стороны Польши. Поэтому здесь главными промыслами москвитов были *рыболовство* и *бортничество* (добывание мёда лесных пчёл), т.е. то, что не требовало осёдлости. В многочисленных хозяйственных документах того времени перечень землевладений обычно начинался с бортных угодий и рыбных ловлей, после чего следовали бобровые гоны, мельницы, пашни. Разумеется, присутствовала и подсечно-огневая система земледелия, которая заключалась в кратковременном (до 3-5 лет) использовании плодородия освобождённых от леса почв, удобренных только золой от сжигаемых деревьев. Истощённые и заросшие сорняками участки забрасывались на более-менее продолжительный срок, иногда до 20-30 лет, образуя *пустоши*. Преодолевая разруху Смутного времени, когда было уничтожено даже то небольшое, что имелось на Старокалужской дороге, уцелевшие и настрадавшиеся от долго царившего насилия русские люди принялись, наконец, за созидание, начав обживать осиротевшие угодья. И к середине XVII века окрестности тракта уже процветали. Вот как увидел это Павел Алеппский в 1656 году:

«В среду по Пятидесятнице мы простились с патриархом (*Никоном – изд.*). Нам привели подводы, и в четверг 28 мая мы выехали из города (*Москвы*) в карете, подаренной царём (*Алексеем Михайловичем*) нашему владыке, потому что наша карета разбилась на возвратном пути сюда и мы отдали её митрополиту Никейскому. В этот день мы переехали через три реки по мостам, а на следующий день через две на лодках: одна называется Нара, на полпути между Москвой и Калугой, другая Протва; последняя, когда мы теперь к ней вернулись, как оказалось, сильно прибыла и залила всю ту местность, так что мы почти целый день употребили, чтобы переехать её на судах... Изумительно было видеть то, что мы теперь наблюдали, ибо те самые земли, которые при нашем выезде из Москвы были совершенно покрыты снегом, а при нашем возвращении во второй раз представляли сплошную грязь и слякоть, теперь, как оказалось, когда мы проезжали по ним в третий раз, волновались высокой рожью в рост человека, которая уже колосилась и чередовалась с ячменём и другими посевами. Мы уже раньше упоминали, что москвиты имеют обыкновение сеять хлеб в августе и сентябре, и он вырастает на одну пядень или выше до наступления холодов в ноябре. Между тем выгоняют на него скот, чтобы он кормился им и тучнел. Затем выпадает снег и покрывает посев до начала апреля, когда он тает, и так как земля размягчается, то посев всходит и в сорок дней достигает полной высоты. Нам об этом рассказывали, но мы не хотели верить, пока не увидели собственными глазами». В ближних окрестностях Троицка так было до 2006 года включительно.

Два с половиной столетия минуло после посещения Павлом Алеппским этих мест, а жизненный уклад «москвитов» почти не изменился. Появилось много церквей, дворянских усадеб, мануфактурное производство в Троицком, и повсюду виднелись следы крепко налаженного крестьянского быта – на той же дороге... Русский граф, историк Сергей Дмитриевич Шереметев, владелец усадьбы *Михайловское*, как бы дополняя наблюдения антиохийца, оставил такие воспоминания о своём путешествии в *Боровск*:

«Река Нара составляет грань между Московской губернией и Боровским уездом Калужской. Отсюда идёт старая большая дорога вплоть до Боровска. Сразу меняется характер местности, как только въезжаешь в Калужскую губернию. Двойная берёзовая аллея тянется по обеим сторонам большака, а за ним сплошные, хотя и некрупные леса; дорога очень однообразна и почти нет жилья; одна только деревня попалась нам по пути. Лошади наши замучились от продолжительной езды. Мы выехали на них из Михайловского в 8 ч. утра. День был жаркий, солнце палило во всю мочь, и подчас становилось совсем тяжко. Мы отъехали вёрст 25, деревья начали мало-помалу редеть; местность стала открытее, и наконец издали показался город. Мы спустились в ложину, когда начал накрапывать дождь; редкие, но крупные капли несколько прибили пыль, а солнце не переставало пригревать по-прежнему. Мы приблизились к долине Протвы, и перед нами живописно раскинулся Боровск со своими церквами и зданиями, разбросанными по холмам, и с рощами над извилистыми берегами Протвы. Мы свернули по направлению к Пафнутьеву монастырю, который находился в двух верстах от города. Издали показался он нам полузаслонённым сосновою рощею и зданиями пригорода; тянулась только высокая жёлтая каменная стена, и какая-то виднелась жёлтая же башня с остроконечною железной крышей... В Пафнутьев монастырь прибыли мы 13 июля 1890 года ...»

К рассказу графа можно добавить, что монастырь всегда пользовался вниманием московских Великих князей вплоть до Бориса Годунова. Святой Иосиф Волоколамский был пострижен здесь в иночество самим преподобным Пафнутием и по кончине своего учителя поставлен во игумена. В XVI веке в Боровском монастыре принял иночество святой Даниил Переяславский. Здесь погребены: епископ Коломенский Герасим (XV век), князь Михаил Андреевич Верецкий и Боровский – внук Великого князя Дмитрия Донского, а также многие известные и влиятельные люди, особенно XVII столетия, и среди них несколько поколений бояр Репниных. Здесь же были могилы князей и бояр Щербатовых, Волконских, Оболенских, Лыковых, Лыковых-Оболенских и других знатных фамилий, лучшие представители которых вписали не одну славную страницу в отечественную летопись.

Встарь дорога из Москвы на Калугу и Боровск отличалась заметным оживлением. Окрестности активно заселялись после Смуты, особенно после эпидемии чумы 1655 года, что вызвало стимулируемый властями строительный бум и обострённый интерес со стороны коробейников. Отправляясь после Троицы в дальний путь со своим товаром, коробейники не спеша, от села к селу, от двора ко двору, только к середине лета добирались до конечного пункта – калужане в Москву, а москвичи в Калугу. Там каждый пополнял или обновлял свои запасы и двигался тем же путём в обратном направлении, возвращаясь домой уже поздней осенью. Шаржированный образ весельчака-коробейника с лотком-коробочкой на шее лишь отчасти и с большой натяжкой соответствует действительности. Хозяйство торговца представляло внушительный обоз, состоящий из нескольких телег, нагруженных всевозможным товаром – с учётом покупательского спроса. В каждом селе первыми встречали «гостя» особенно падкие на развлечения ребяташки и молодёжь. Вот тут-то и применялись соразмерно личным способностям всевозможные рекламные трюки – яркая одежда, частушки с присвистом и прихлопом-притопом, шутки вперемежку с городскими новостями, услужливое внимание и вежливые расспросы о

жизнь-бытьё. Ответная приветливость основывалась на том, что коробейники охотно отпускали товар в долг, делая при этом условную метку-цифру углём прямо на заборе должника. Это и была своеобразная расписка с указанием суммы долга. На возвратном пути коробейник в каждом селе ориентировался только на эти записи и безоговорочно уступал на просьбы об отсрочке – до трёх раз. Затем просто стирал свою запись со словами: «Я не обеднею, и ты не разбогатеешь. Бог нам судья». Однако невозврат долга за полученный товар считался позорным поступком и таких случаев «отродясь не водилось».

В сёлах с расположенными вблизи боярскими усадьбами полагалось непременно засвидетельствовать почтение хозяину в лице управляющего. В Троицком внимания требовали не только Салтыковы, но и Репнины с Хитрово. Последним принадлежала довольно обширная вотчина с сёлами Поповка, Воскресенки (ныне Птичное) и Пучниково (Пучково). Троицкие старосты, всегда отличавшиеся учёностью, записывали в особую книгу все более-менее значимые события и передавали её преемнику как особый атрибут власти.

Убранством боярские хоромы в XVII веке отличались от крестьянских изб разве что добротностью: скамьи вдоль стен, длинный широкий стол посередине, печь с лежанкой-полатями, большие иконы в красном углу – вот и вся обстановка. В старину икон по домам всегда было очень много, их возили повсюду суздальские «богомазы», писавшие образа «в седле». Такие иконы сохранились в Троицке до наших дней в некоторых семьях. Их заказывали десятками, потому что на новоселье полагалось вносить в «терем» по сорок образов: на все праздники годового церковного круга, особо почитаемых в народе святых, *именинные* и т.д.

Именинными (*родимые, ростовые, мерные и т.п.*) назывались иконы, писавшиеся на изготовленной по размерам новорожденного младенца доске – высота по

росту, а ширина по ширине плеч, где изображался святой покровитель, именем которого нарекали младенца при крещении. Зачастую в верхней части иконы писали *родовой* образ, как правило, это был один из особо чтимых Богородичных ликов. В Государственном историческом музее хранится *родимая* икона Наталии Борисовны Шереметевой (Долгорукой) с образом Богородицы Тихвинской в верхнем поле. Конечно, для боярских домов иконы писали лучшие мастера, которые традиционно обретались в Москве. Их работы сегодня можно увидеть в храмах, музеях или в частных собраниях. В наши дни старомосковский обычай написания мерных икон возродился усилиями «Российского клуба православных меценатов» (председатель Андрей Полонский), который находится на Калужском шоссе (Ватутинки, 36). С проезжей части Клуб узнаваем по часовне в честь Владимирской иконы Божией Матери, построенной меценатами в 2006 году (см. фото на обложке).

Кстати сказать, для серьёзных строительных работ бояре нанимали мастеров из северных земель – костромичей или ярославцев. Подряд считался законным, если договор о найме заключался на «подрядной» Троицкой площади в Кремле. Это касалось всех, независимо от положения или звания. Местные жители занимались своим привычным трудом, отработывая установленную барщину и платя оброк. В целом жизнь была размеренная, самодостаточная и с ясными перспективами. Не смотря на высокую в то время смертность от частых эпидемий и болезней, на одну русскую женщину приходилось 7,2 ребёнка, разводов в семьях не было вообще, и случаи рождения детей с врождёнными пороками или инвалидов были крайне редки. Сегодня наоборот, каждая седьмая женщина лишена чадородия.

Основными землевладельцами являлись служилые люди, прежде всего бояре, составлявшие ратную силу государства и непосредственно на земле не работавшие – им просто некогда было это делать. Монахи и белое духовенство предстояли перед Богом в молениях *«о властех и воинстве ея да тихое и безмолвное житие*

поживем во всяком благочестии и чистоте», и обрабатывали землю только для своих нужд. А население «дворцовых», т.е. царских владений, выращивало хлеб и всё прочее «про государев обиход». Кроме того, никогда не платили никакой подати бобыли и другие представители крестьянского сословия, по каким-либо причинам на земле не работавшие. Так что жить за боярином

было спокойно и совсем не худо. Пётр I основательно встряхнул этот вековой жизненный уклад, Екатерина II его секуляризировала, Александр III совсем было сделал реформы своего отца необратимыми, но принимаемая за свободу вседозволенность и псевдодемократический разгул нигилизма в 1917 году опрокинули империю, переродившуюся на исходе столетия в «федеральную республику» с криминально-православной субкультурой наследников Октября.

Говоря о дороге нельзя не сказать о почтовом сообщении, всегда теснейшим образом с нею связанном. Раньше в России царские приказы передавались особыми гонцами-вестниками, а частные лица использовали для связи своих гонцов, или *нарочных*. Первые попытки устройства почтового сообщения были предприняты

при Иване Грозном в первой половине XVI века, первые регулярные перевозки появились в 1630 году при Михаиле Фёдоровиче, а его сын, царь Алексей Михайлович, в 1664 году упорядочил почту, учредив специальный *Почтовый приказ*. Сначала его маршруты пролегли только между Москвой, Псковом и Архангельском, так как эти города были центрами торговли с границей. Потом сообщение наладили до Смоленска – для политических сношений с Польшей. Некоторым селениям вменялось в обязанность содержать лошадей для *государевой гоньбы* вместо податей и повинностей, отчего они стали называться *ямскими слободами*, а жители – *ямщиками*. Пётр I повелел организовать доставку почты от Москвы до Якутска и Нерчинска, которая ходила три раза в год в летние месяцы. Московский почтамт учреждён Екатериной II в 1782 году, и тогда же было принято считать расстояния (*верстать путь*) не от кремлёвской колокольни Иоанна Лествичника, а от здания почтового ведомства на Мясницкой улице, как это сохранилось и по сей день. Поэтому Троицк находится на 38-м километре Калужского шоссе и в 18 км от МКАД. По Старокалужской дороге было дальше, поскольку путь проходил через сёла и деревни, петляя вдоль речек и повторяя несложный рельеф местности.

Появление в нашем языке слова *краеведение* относят ко второй половине XIX века, хотя его нет ни в одном из трёх дореволюционных изданий Словаря В.И. Даля. Зато определение понятия *краеведение* легко найти в энциклопедических справочниках советского периода, откуда с незначительной редакцией оно перекочевало в «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Изучение силами местных энтузиастов природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района и входящих в него населённых пунктов – это и есть краеведение. Научно-методическими центрами по изучению данной темы традиционно являются музеи, а в наиболее массовой форме краеведением занимаются в школах. По смыслу этого понятия выводится и значение слова *краевед*, но в понимании истории как науки это, скорее всего, в позитивном смысле просто упрямый искатель-дилетант.

Сведения, содержащие описания населённых пунктов нашего региона, в том числе хранящихся в Российском государственном архиве древних актов писцовых и переписных книг XVI-XVII веков, запускаются в научный оборот после целого комплекса предварительных исследований. Сюда входит выявление и просмотр документов, составление их описания и схемы систематизации, составление описательных статей и систематизация описательных статей, составление библиографии и именных указателей, и т.д. Валовое описание земель началось в России после Смуты в 1620-х годах, но большинство писцовых и дозорных книг было уничтожено московским пожаром 1626 года, после чего работу возобновили. Поэтому многие сёла и города впервые упоминаются в документах с этой даты. Документы выявлялись в фонде Поместного приказа (ф. 1209), в фонде-коллекции «Боярские и городские книги» (ф. 137), в фонде «Архив оружейной палаты» (Ф. 369), в фонде Разрядного приказа (ф. 210) и проч. Выписи из книг на городские земельные владения церковных учреждений обнаруживались даже в фонде-коллекции «Грамоты Коллегии Экономии». Не сбрасывается со счетов и хранящаяся в библиотеках историко-краеведческая литература, представляющая несомненный интерес.

Энциклопедически точно подмечено, что краеведение есть удел энтузиастов. Даже моральная составляющая – признание, не наступает и тогда, когда сделанное открытие касается широко известных, общепризнанных святых. Многомиллионными тиражами расходились по России и всему миру «Житие преподобного Серафима Саровского» и «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря», и от издания к изданию кочевала ошибка в дате рождения святого старца. Совершенно скромный, не титулованный никакими званиями и не занимающий каких-либо административных постов житель Сарова Валентин Александрович Степашкин самостоятельно провёл сложнейшие исследования по определению хронологии жизни всеми любимого и всем известного батюшки Серафима (в миру Прохор Машнин), и написал книгу, вложив в её издание все свои сбережения. Без малейшей помощи со стороны Церкви и власти он писал, печатал и распространял свой труд «Преподобный Серафим Саровский: предания и факты», в котором все выводы его исследований изначально ставились под сомнение. Главный из них менял дату рождения святого Серафима на пять лет назад, с общепринятого 1759 на 1754 год. Им была установлена и точная дата пострижения в монахи Прохора Машнина (13 августа 1786 года), да и сама фамилия старца писалась раньше через -о – Мошнин. В конце концов, в 2004 году эти исследования позволили состояться в Курске юбилейным торжествам по случаю 250-летия со дня рождения преподобного и богоносного Серафима, Саровского чудотворца. 20 июля в Курск из Дивеево специальным авиарейсом привезли мощи батюшки Серафима, здесь их встречали десятки иерархов Русской Православной Церкви, сотни священников и тысячи паломников. От светской власти присутствовали: зампред Совета Федерации А.П. Торшин, два полпреда – Г.С. Полтавченко и С.В. Кириенко, министр культуры А.С. Соколов, мэр Москвы Ю.М. Лужков и все губернаторы центральных областей России. Скромный краевед из Сарова Валентин Александрович Степашкин не был даже приглашён на четырёхдневные (!) торжества в Курске. Впрочем, в конце 2005 года его труд отмечен грамотой и памятной медалью Фонда святителя Макария Московского. Таковы тернистые лавры «упрямых дилетантов».

Для Троицких авторов-исследователей создана частная, как водится, финансово не обеспеченная и административно не поддержанная печатная «площадка», где их работам по определению уготована путёвка в жизнь. Историко-краеведческий и литературный альманах «Троицкий летослов» есть безразмерный учётный фонд сведений, касающихся не только нашего округа, – колоссальные перспективы обусловлены названием и статусом Троицка. Например, в проекте «**Троицк другой**» планируется рассказывать о десяти одноименных городах России; а сколько у нас ещё мало известных читателю федеральных наукоградов?! Востребованными оказались не только документальные труды, но и художественные формы выражения личностного восприятия истории и духовности в индивидуальных способах изложения материала троицкими (и не только) поэтами и литераторами.

Вместе с тем, согласно принятому Министерством образования Московской области «Паспорта» Московской областной программы «Духовно-нравственное здоровье семьи, детей и молодёжи» на базе издания для Троицкой средней школы № 2 (директор Богданова Галина Сергеевна) разработана учебно-методическая программа, учитывающая как современную специфику города, так и ретроспективные особенности его развития в общем историческом контексте.

Авторский анализ эпизодического факультативного преподавания в 5-8 классах этой школы «Духовного краеведения» позволяет констатировать, что наилучшему усвоению учащимися данного предмета способствует прикладной характер обучения, т.е., когда тематической основой урока становятся биографии тех лиц, которые имели (или имеют) прямое отношение к местности (селу, городу), а также происходивших здесь исторических событий. В полной мере это относится и к изучению характерных для нашего края народных традиций, обычаев и праздников. Обязательным элементом эффективного освоения предмета с первого же урока стало знакомство каждого ученика с собственным именем. Для этого в Издательском Совете Московской Патриархии приобретаются (по списку) красиво оформленные буклеты «Твоё святое имя». По мере наступления календарных дней происходит изучение церковных праздников: Покров, Введение, Рождество, Крещение, Сретение и т.д. Практика показала, что лучшим временем для проведения занятий по духовно-нравственному воспитанию являются недели Великого поста, от Масленицы до Пасхи. В дни массовых народных праздников, таких как Крещение, Масленица и Пасха, связанные с ними традиции лучше изучать в местах их проведения. Для разностороннего усвоения топонимии Московской области, в частности, названия города (Троицк), используется специально для этого изданное компилятивное пособие «Троицкие гуляния» и экскурсия в Троице-Сергиеву лавру с посещением Музея Московской духовной академии и семинарии.

С целью изучения исторических мест в Москве и Московской области рекомендуется проводить ознакомительные экскурсии:

- Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (церковно-государственные реформы патриарха Никона, его канонические идеи и их историческое значение);
- Пафнютьев Боровский монастырь (памятные захоронения династии Репниных – первых поселенцев и основателей села Богородского, ныне Троицк);
- Музей «Тарутино» (события Отечественной войны 1812 года);
- Музей-усадьба Щапово (дворянская усадьба и сельскохозяйственная школа);
- Троицкая фабрика (условия труда и быта фабричных рабочих);
- Казанская церковь в Пучково и Тихвинская в Богородском (знакомство с убранством православного храма, их историей и биографиями местных подвижников).

В годовщины исторических событий организовывались экскурсии непосредственно на места их свершений. Так, в связи с 625-летием Куликовской битвы 1 октября 2005 года состоялась поездка в Тульскую область на Куликово поле.

В порядке эксперимента с 7-го класса проводились занятия по семейному воспитанию. Учитывая деликатность данной темы, беседы с девочками и мальчиками проходили отдельно и нерегулярно. Вообще все мероприятия предваряла тщательная подготовка, полученные впечатления фиксировались в выпусках стенгазет и обсуждались на классных часах. Для поощрения в учениках краеведческой работы в школе создан историко-архивный кабинет (Музей), который по мере возможности пополняется любительскими находками.

Главной целью предмета «Духовное краеведение» декларируется создание ясной и понятной для большинства будущих граждан нашей страны системы моральных ценностей, восприятие общей культуры и воспитание в учащихся нравственной чистоты, основанных на разнообразных примерах многовековой истории своей малой родины и Отечества (программа разработана С.С. Санковым).

В 2008 году ко дню Светлого Христова Воскресения (27 апреля) силами педагогов и стараниями учеников Троицкой школы № 2 лично митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию автором был передан специально изготовленный праздничный альбом, состоящий из текстов, фотографий и детских рисунков, отражающий проделанную работу. В Прощении педагоги писали митрополиту:

«Движимые сердечной любовью к Русской Православной Церкви – Матери нашей, – её догматам и обычаям, согреваемые ответным чувством трогательной заботы и внимания со стороны вверенных Вашему Архипастырству отцов-настоятелей окрестных храмов, прихожанами которых все мы являемся, а также повседневно и неуклонно изучая и преподавая на уроках в нашей школе предмет “Духовное краеведение”, о чём с неудержимой радостью нам хотелось бы поделиться с Вашим Высокопреосвященством – искренне уповая на Вашу отеческую отзывчивость; просим Вас, Ваше Высокопреосвященство, принять наш скромный пасхальный подарок в знак бесконечного уважения к Вашим архипастырским трудам, кои, смеем Вас заверить, не были посеяны “при пути и на камени, иже плод свой даст во время свое”, а в нашем лице “и вся, елико аще творит, успеет”, свидетельством чему станет, как мы все надеемся, милостивое Ваше знакомство с подвигами в нашей школе трудами на ниве духовного просвещения и внебогослужебной проповеди Евангельского учения Господа нашего Иисуса Христа, святых Его Апостолов, и всех Отцов Церкви, от века в вере Христовой Православной просиявших. Благоприобретённый опыт вышеуказанной работы, равно как и беспредельная решимость наша и желание развивать и совершенствовать полученные методом проб и ошибок навыки преподавания, укрепляет нас в дерзновении выразить в данном Прощении к Вам, Глубокоуважаемый Владыка, надежду на Ваше архипастырское внимание к нашим ученикам и к нашей общеобразовательной школе в целом, – к чему устремлены все помыслы наши.

Просим Вашего благословения и молитвенной помощи на посильные труды во славу Божию, на всяческую пользу Церкви и Отечеству, родным и ближним нашим на духовную радость!» (текст «Прощения» подготовил С.С. Санков).

Вскоре митрополит Ювеналий ответил посланием с собственноручной подписью, в котором, в частности, говорилось:

«С сердечной радостью получил от Вас и Ваших коллег красочный альбом, рассказывающий о преподавании в Вашей школе “Духовного краеведения Подмосковья”, а также издания*, посвященные истории Троицка. Верю, что совместными усилиями мы сможем способствовать духовно-нравственному возрастанию подрастающего поколения, которому предстоит в будущем взять на себя ответственность за судьбы нашего Отечества. Примите мою благодарность и пожелание помощи Божией в трудах... Христос Воскресе!» (исх. № 1710 от 6.05.2008).

Движение разума к истине начинается не со знаний, а с благоустройства душевной экологии, и только потом тянется к слову. И хорошо, если слово это – Бог.

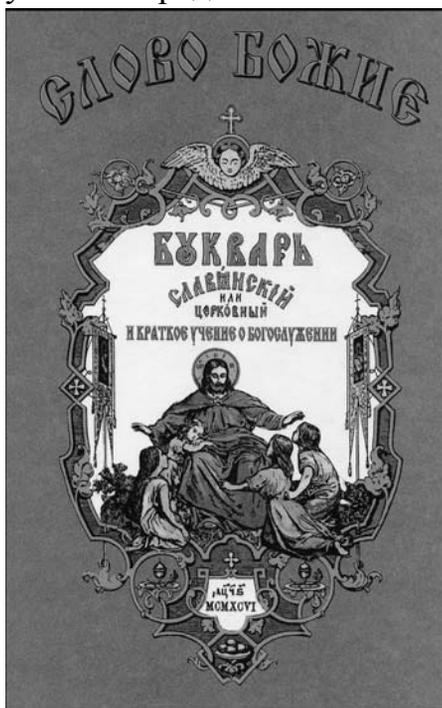
*г. Троицк,
30 мая 2008 года.*

* – Имеются в виду «Троицкие гуляния» и первый выпуск альманаха «Троицкий летослов».

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА РАЧИНСКОГО

В 1825 году, после умершего бездетным Александра I и неудавшейся попытки государственного переворота, затеянного группой утративших реальность заговорщиков-«декабристов», на Русский престол вступил его брат, третий сын императора Павла, тридцатилетний Николай I Павлович (1796-1855). Стройный и широкоплечий, с подчёркиваемой высоким ростом величественной осанкой и пронизывающим взглядом то ласковых, то горящих гневом глаз, он производил неизгладимое впечатление на очевидцев своим громким, доходившим до сердца повелительным голосом и всех ему подчинявшей умной живой речью; был кроток в обращении с ближними, прост и милостив с окружающими, но в то же время строг до беспощадности с ослушниками его воли, первый подавая пример, как должно уважать предписываемые народу государственные законы.

Во главу угла своего правления Николай Павлович поставил упорядочение российского законодательства, из-за отсутствия которого в судах и управлении происходили беспорядки, все вопросы решались крайне медленно. Оказалось, что в судопроизводстве по всей империи накопилось около 3 миллионов дел, больше 100 тысяч подсудимых томилась в тюрьмах в ожидании судебного решения. За почти 200 лет, истекшие после принятия Уложения царя Алексея Михайловича 1649 года, было издано множество законов, зачастую противоречивших друг другу, бессистемных и не кодифицированных в едином сборнике. Ещё начиная с Петра I, все самодержцы стремились привести законы в порядок, но всевозможные сложности и бюрократические проволочки затягивали этот процесс до бесконечности.

На сей раз гарантией долгожданного издания соб-

рания законов послужила железная воля императора. Исполнение столь ответственного поручения Николай I возложил на знаменитого деятеля времён своего брата, возвысившего сына сельского священника Михаила Михайловича Сперанского (1772-1839) за природный ум, редкую образованность и трудолюбие до царского советника. В 1830 году Сперанский закончил составление Полного Собрания Законов Российской Империи в 45 томах, начиная с Уложения и до 1825 года. Затем из этого Собрания им были извлечены не утратившие силу и имевшие практическое применение законоположения, составившие 15-томный «Свод Законов Российской Империи», изданный в 1833-м и действовавший вплоть до 1917 года. За эту работу Сперанский получил графский титул и был награждён орденом Святого апостола Андрея Первозванного, который возложил на него в своём кабинете лично Николай I. И в том же 1833 году, 8 мая, в семье коллежского асессора Александра Викторовича Рачинского родился сын Сергей, ставший выдающимся русским педагогом-законоучителем.

Сергей Александрович Рачинский – редкий для своего времени представитель высокой светской образованности и глубокой церковной нравственности, до самозабвения преданный педагогической работе по становлению начального школьного образования в России. Решив после окончания в 1853 году естественного факультета Московского университета углубиться в изучение избранной специальности, он вскоре занял университетскую кафедру ботаники, удостоившись степени магистра за сочинение «О движении высших растений». Будучи профессором, Сергей Александрович заявил о себе учёными трудами: «О некоторых химических превращениях растительных тканей» (докторская диссертация), «Цветы и насекомые», а также переводами на русский язык известного сочинения Ч. Дарвина «О происхождении видов» и работы Шлейдера «Жизнь растений». Кроме того, Сергей Александрович был прекрасным знатоком живописи и музыки, увлекался вопросами современной литературы и философии.

Однако карьерой учёного Рачинский занялся лишь с 1856 года, а сразу по окончании университета 20-летний выпускник по протекции отца служил в архиве Министерства иностранных дел, откуда на некоторое время он был откомандирован к Андрею Николаевичу Муравьёву (1806-1874) в качестве личного секретаря. А.Н. Муравьёв, давно желавший покинуть Санкт-Петербург и поселиться в Москве, принял предложение Дмитрия Шереметева, сына графа и Прасковьи Жемчуговой, и занял флигель в его Останкинском дворце. Здесь он написал одну из лучших своих книг «Русская Фиваида на Севере», посвящённую Великой княгине Елене Павловне, дочери императора Павла, память о котором свято чтит в Останкине. Впрочем, уже на следующий год А.Н. Муравьёв перебрался в Киев, а его секретарь вернулся к естественным наукам.

Те плоды духовного просвещения, которые всеял в образованные слои русского общества Андрей Николаевич Муравьёв, нашли благодатную почву в душе Сергея Александровича. Он очень сблизился со славянофилами и вообще стал искренне-религиозным человеком, чему в немалой степени послужило следующее обстоя-

тельство. Его отец долго страдал от некоей болезни, считавшейся врачами неизлечимой. В 1858 году Александр Викторович прибыл в Селижаровскую волость Ржевского уезда на Оковецкий святой источник, находящийся верстах в 50-ти от их усадьбы Татево в Бельском уезде Смоленской губернии, и, помолвившись перед чудотворными иконами и искупавшись в источнике, оказался совершенно здоров. «Описанное здесь происшествие засвидетельствовано устно и письменно перед местным священником, – говорит безымянный автор исторической записки, – было обнаружено в своё время, и доныне имеет непосредственных свидетелей». После этого А.В. Рачинский прожил ещё 19 лет и скончался 9 апреля 1877 года.

В 1872 году Сергей Александрович оставил профессорскую кафедру, переехал к отцу в родовое имение на Смоленщине (ныне Татево в Оленинском районе Тверской области) и сосредоточил свою просветительскую деятельность в среде сельского населения. Здесь он основал в полном смысле слова *образцовую* школу, в которой жил и преподавал целые четверть века, разделяя с учениками весь их образ жизни.

А.Д. Кившенко. Освящение народной школы в присутствии цесаревича Александра Александровича. 1880 год.

Как педагог Сергей Александрович не придавал особого значения методам или техническим приёмам преподавания, а главное внимание обращал на характер и внутренний строй школы, неизменно пребывая в твёрдом убеждении, что русская школа всем своим существованием, всем укладом должна входить в жизнь народа, которому она принадлежит. А так как русский народ есть народ православный, то такова должна быть и его школа, воспитывающая подрастающее поколение в духе

православной Церкви. В тесную связь с Церковью и с добрыми воспитательными началами древнерусского церковного обучения поставил он Татевскую и двенадцать других созданных им школ.

Необходимо сразу оговориться, что, оставляя профессорскую кафедру в Московском университете для всецелой отдачи себя делу народного просвещения, Сергей Александрович не имел в виду создать какой-нибудь новый тип школы, доселе не бывший. Метод С.А. Рачинского – новинка для своего времени, но лишь потому, что был хорошо позабыт. Такие школы существовали на Руси ещё со времён равноапостольного князя Владимира и были отвергнуты совсем не потому, что не имели в себе жизненной силы, или были непригодны духу и складу русского народа, а единственно потому, что чрезмерное увлечение Западом, заставившее отбрасывать всё непригодное для исторического роста русского народа, вместе с тем долгое время мешало разобраться и по достоинству оценить и то хорошее, что оставила допетровская Русь. Потому в области народного просвещения Сергей Александрович Рачинский стал первым человеком, освободившимся от гнёта западноевропейской педагогики. Его светлый, по-европейски просвещённый ум, но в то же время чуждый одностороннего увлечения иноземным, воспротивился опыту инославных-иностранных учителей, «да княжат и володеют» настроениями и характерами подрастающих поколений русского народа. Обратившись к родному историческому прошлому, он там и нашёл тот тип школ, который стал известен под именем «школ Рачинского». В этом заключается особенная заслуга Сергея Александровича – он первый выступил решительным сторонником воспитания и обучения детей в неразрывной связи с Церковью, и затем личным примером, на своих действительно образцовых школах, показал возможность и неоценимую полезность такого воспитания и обучения. Говоря словами Высочайшего рескрипта: «школы С.А. Рачинского стали рассадником в том же духе воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов, и живым образцом для всех подобных учреждений».

Как уже отмечалось, Сергей Александрович был глубоко верующим человеком. Удалившись из шумной Москвы в благодатную тишь родного Татева, он жил поначалу совершенным отшельником, лишь изредка выезжая в столицы. Большая часть печати о нём молчала, сам Рачинский всегда уклонялся заявлять о себе, особенно в той назойливой манере, которую ныне именуют пиаром. Выходило так, будто никому нет дела до того, как живёт и что делает в своём сельском уединении бывший университетский профессор. Зная, какому делу посвятил себя С.А. Рачинский, это отшельничество давало повод думать, что его не понимают, что он, «положивший душу свою за народное образование в духе веры и Церкви, одиноко стоит на избранном им пути», и что «в силу такого постыдного равнодушия общества святое дело Сергея Александровича обречено на вымирание». Но более внимательным такая замкнутость напоминала подвиг сильных духом мужей, живших в удалении от мирской суеты и своей нравственной чистотой собиравших вокруг себя множество учеников, которые разносили затем славные заветы своих старцев во все концы Русской земли.

Вместе с широтой образования и горячей верой Рачинский внёс в свою педагогическую деятельность самую тёплую, самую преданную любовь к детям. Он был для них не просто учителем, а скорее любящим отцом, жившим общими с ними

радостями, горевавшим их неудачами и печалью. Школа была его домом, школьники – его семьёй, для которой он работал, не покладая рук. Он знал каждого, и стоило ученику обнаружить хоть какой-нибудь талант, как чуткий отец-учитель сейчас же приходил на помощь его развитию. Тесная дружба навсегда связывала воспитателя с воспитанниками. «Вы для меня и отец, и мать, и семья, и всё» – задумчиво говаривал Сергей Александрович, и не случайно основанные им школы выпустили сотни деятелей по народному образованию: сельских учителей и пастырей Церкви – ревностных учеников и пламенных проповедников его педагогических воззрений. В Татеве приезжало множество учителей, не бывших учениками Сергея Александровича, но желавших видеть живой пример образцового педагога, получить от него ценные советы и указания, и в задушевной беседе почерпнуть новые силы для служения в деле народного образования.

«Я как сейчас вижу перед собою Татевскую школу, – вспоминал один из посетителей С.А. Рачинского (Павлов). – Просторная, светлая, с широким террасой-крыльцом, она расположена как раз против церкви, от которой её отделяет широкая улица. Над входом в школу икона благословляющего детей Христа. Внизу школьного здания просторные классы и помещение для учеников, нередко живущих при школе; наверху – две крохотные комнатки Сергея Александровича, заставленные книжными шкафами, завешанные картами и картинами. Ход в них через школу. Великолепная Татевская усадьба, со всеми удобствами просвещённой богатой жизни, всего в какой-нибудь версте, и даже меньше, от школы, – и Сергей Александрович, конечно, мог бы жить здесь, в фамильном доме Рачинских, пользуясь привычным от рождения комфортом, но он не пожелал жить отдельно, хотя бы и вне классов, жизнью от своего детища – школы, и предпочёл её две убогие комнатки роскошным покоям Татевского дома. Мало того, живя под одной кровлей со своими милыми школьниками, он, – по крайней мере в моё время, – разделял с ними и их скромный стол, довольствуясь тою простою пищею, которую приготавлила на всю школьную “артель” баба-стряпуха. Совершая утреннюю прогулку, он нередко собирал щавель для обихода школьной кухни.

Сергей Александрович при первой встрече просто поражал своею скромною внешностью. Видеть на нём одежду заштопанную и зашитую, быть может, руками той же стряпухи-бабы, единственной школьной прислуги, было далеко не редкостью. Но зато этого человека и нельзя было поразить и подкупить какою бы то ни было блестящею внешностью. В оболочке он прежде всего искал содержания».

Имя С.А. Рачинского стало известно и по литературно-педагогическим трудам, практически сразу по выходе из печати становившимися достоянием церковной школы. Его записка «Об образцовых школах при духовных семинариях», изданная в 1884 году, была разослана для ознакомления всем епархиальным архиереям, и уже с осени следующего года состоялось открытие образцовых начальных школ при некоторых духовных семинариях и женских училищах, а вскоре это вошло в практику повсеместно. В 1891 году был издан сборник педагогических статей С.А. Рачинского «Сельская Школа», разосланный Училищным Советом при Святейшем Синоде в епархиальные советы для безвозмездного снабжения образцовых и двухклассных школ. Также для школьного употребления Сергеем Александровичем был составлен и издан интересный учебник «1001 задача для умственного счёта», и весьма поучительная брошюра «Школьный поход в Нилову пустынь». Такие по-

ходы по различным историческим местам и просто по родным окрестностям, наряду со школьными столовыми и библиотеками, начав с Татево, теперь стали неотъемлемо-привычной частью всех российских школ.

Село Оковцы – на полпути между Татево и Ниловой пустынью. 11 сентября 2003 года.

Не будет преувеличением сказать, что Сергей Александрович Рачинский являлся попечителем церковных школ всей России, а при надлежащей оценке его жизни и деятельности, при честном и беспристрастном анализе его богатейших материалов, разрозненных после его смерти в отдельных листках, можно сказать, что он является в какой-то степени основателем и современной отечественной школы. В свою очередь С.А. Рачинский всегда признавал, что весь опыт по воспитанию и образованию многих поколений русских людей в первоизданном виде сохранился в Русской Православной Церкви. «Кто овладел, – писал он, – хотя бы только службами Страстной седмицы, тот овладел целым миром высокой поэзии и глубокого богословского мышления».

Другой почитатель и последователь Сергея Александровича (Горбов) так описывал внутренний строй его школы: «Вставали школьники в 6 часов. После молитвы, до классных занятий, дети рубили дрова, возили с реки воду, убирали школу. В 9 часов начинались классы и продолжались до 12 часов, в 12 часов обед, и до 2 часов перерыв. В эти часы школьники играли на дворе или занимались какими-либо лёгкими физическими работами. От 2 до 4 уроки. В 4 часа за стол (полдничанье). С 6 часов новые занятия; часто вечер проходил в спевках, в которых принимали участие не только мальчики, но и девочки, составлявшие прекрасный церковный хор. В 8 ужин и молитва на сон грядущий. Один из учеников возглашал начальные молитвы, потом пели “Отче наш”, и затем учитель читал одну из вечерних молитв.

Но впоследствии ученики упросили прочитывать все вечерние молитвы. Всё заканчивалось пением тропаря “Кресту”. Это выходило довольно продолжительно, но не замечалось никакого утомления, никакого рассеяния. Серьёзно и сосредоточенно стояли дети пред иконою с теплящеюся лампадою, после целого дня усиленных и разнообразных занятий, и как хороши, как милы были они в это время».

Назначенный в 1880 году на пост обер-прокурора Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев (1827-1907) в развитии сети церковно-приходских школ видел залог спасения России от грядущих катастроф. При создании системы церковно-приходского образования К.П. Победоносцевым был использован успешный многолетний педагогический опыт С.А. Рачинского, впрочем, ими не отрицалась и позитивная зарубежная практика. В письме к С.А. Рачинскому от 21 января 1879 года Константин Петрович писал: «Очень рад, что вам понравилась моя статейка *Конечная цель жизни*, которую я послал вам. Я составил её из попавшихся мне английских статей и дал “Православному обозрению”. Была ещё в конце 1877 г. первая статья, но у меня нет отдельных её оттисков. Я старался об ясности – иностранные статьи и книги, взятые целиком, редко бывают вполне понятны русскому читателю на русском языке». 11-12 октября 1901 года: «Скоро пришлю вам ещё маленькую книжку: *Основные черты христианского вероучения и нравоучения*. Я давно плачусь на большие томы богословской науки, коими одевают у нас религиозное чувство. Попалась коротенькая немецкая книжка. Я переделал в ней кое-что, дополнил и напечатал в Муравьёвских изданиях».

Женская гимназия в Калуге (н. XX века). Ныне средняя школа № 5.

К тому времени вся православная Россия подключилась к созданию церковно-приходского образования: к средствам, выделяемым казной, прилагались значительные средства от приходов, монастырей, частных благотворителей. На рубеже

XIX-XX веков преподавание в этих школах велось согласно Положению 1884 года, а уже в 1902 году было утверждено новое Положение, которое гласило, что «церковные школы Ведомства православного исповедания имеют целью распространять в народе образование в духе православной Церкви и веры» (параграф 1). Они получали статус юридического лица, укреплялась их материальная база (пар-ф 57). В 1901 году при Московской духовной семинарии были учреждены учительские курсы, главной целью которых, по словам наблюдателя церковно-приходских школ Московской епархии А.Д. Италинского, являлось «более основательное ознакомление учителей с курсом тех предметов, которые преподаются во второклассных школах, или подготовка их к преподаванию сих предметов». Фактически, вместе с широкой сетью церковных школ складывалась и система подготовки учителей для них.

Но из-за парадного фасада официальной отчётности проглядывали и недоброжелательные настроения завистников, склонных всё приписывать, как бы теперь сказали, «административному ресурсу». К.П. Победоносцев в письме от 29 июня 1884 года писал С.А. Рачинскому: «Тяжело иногда сознавать это, но мы похожи на человека, коего все считают богатым. К нам не подходят довольные и весёлые без нужды; и когда кто с нами любезен и предупредителен, всегда оказывается или нужда, или фантастическое представление о моём влиянии и силе. К несчастью, это мнение о том, что я всемогущ, распространилось в людях, всегда склонных верить сказке, и оттого все мои здешние отношения окрашены фальшивым цветом, который мне и жене моей слишком ясно виден». «...Любопытное, печальное явление. Ваша записка об образцовых школах (1884) разослана была во все епархии на обсуждение епархиальных училищных советов. Теперь отовсюду прислано множество пространных о ней отзывов. Представьте, что все относятся к ней отрицательно, и что многие возражения направлены против церковно-славянского языка и чтения. Не поразительно ли это явление, показывающее, до чего внедрился яд фальшивых методов в умы просвещённых батюшек. Более надежды на следующие поколения...»

Сергей Александрович Рачинский умер в 9 часов утра 2(15) мая 1902 года, не дожив всего шести дней до своего 69-летия. На его похороны поток за потоком прибывали люди. Заупокойную всенощную совершал ректор Смоленской духовной семинарии архимандрит Алипий в сослужении восьми священников, пел хор из учителей Татевской и соседних школ. Накануне ученики день и ночь читали Псалтырь. Глубокое впечатление производила на присутствующих полная торжественности обстановка зала усадьбы, в центре которого на столе лежало тело почившего, оваянное сосредоточенной молитвой мальчиков и прекрасным пением девочек. После погребения духовенство и гости были приглашены в дом к поминальной трапезе, а ученики побрели в школу, где для них был приготовлен обед, накрытый на тех же длинных столах с чистыми скатертями, как это всегда делалось по праздникам при Сергее Александровиче. Та же классная обстановка, те же знакомые лица, только не было оживления и того подъёма счастливого чувства — обычных спутников их любимого учителя...

В молодой стране Советов вся сложившаяся система образования сосредоточилась в Главполитпросвете. Возглавила его супруга вождя Надежда Константиновна Крупская (1869–1939). Выросшая в высокоинтеллектуальной семье офицера, она пришла в правительство через сибирскую ссылку, заняла пост наркома просвещения, а затем стала членом ЦК ВКП(б). В 1921 году за подписью председателя Главполитпросвета Крупской был отправлен на места циркуляр об очистке библиотек и музеев от политически «вредной» продукции. Бесценные достижения национальной многовековой культуры она заменяла убогой агитационной мишурой, прославляющей коммунистическое будущее и шельмующей богатую историю русского народа. Державина меняла на Демьяна Бедного, Гоголя – на Николая Островского, Тютчева и Никитина – на Маяковского, Толстого – на Фадеева, Сумарокова – на Шолохова.

По её инициативе прошла не только чистка библиотек и музеев. Тихая подмена старорежимных учебных программ завершилась повсеместным показательным сожжением (по спискам) изъятых книг русских классиков и огромного числа религиозных изданий: Библии, Евангелия, Торы, Корана.

Перерабатывая устоявшуюся в школах, гимназиях и лицеях учебную практику, создавая общеобразовательную советскую программу, Надежда Константиновна очень старалась. Диапазон надзора и опеки не ограничился погромом и запретами поэтов, писателей, художников и композиторов, под запрет попали даже детские куклы, как «элемент, отражающий мещанское и мелкобуржуазное воспитание». Играть в куклы считалось проявлением контрреволюционных взглядов. Было запрещено их производство: «Игрушки должны иметь политическую направленность в воспитании нового поколения женщин в социалистическом обществе». Крупская совершенно справедливо полагала, что, играя в светловолосых фарфоровых красавиц, трудно выбиться в ряды новых женских идеалов, какими стали Клара Цеткин, Роза Люксембург, Розалия Землячка. Под запрет попали и сказки, «отвлекающие детские умы от реальных стремлений к новым высотам советских преобразований».

Труды Надежды Константиновны Крупской по созданию педагогики новых моральных принципов, противоречащих мировым, были высоко оценены советской властью: ей присвоили учёную степень доктора педагогических наук и почётное звание академика Академии Наук СССР. Крупская после свадьбы стала Ульянова, потом Ленина, а начав заниматься административной работой, по совету мужа снова стала Крупской.

Перед школой стояла задача не только коммунистического воспитания молодёжи, но и пополнение государственного партаппарата активными профессиональными работниками, в том числе молодыми кадрами для НКВД. Этому способствовала гениально задуманная система пионерских звеньев, отрядов, вожатых, переходящая затем, по мере взросления подопечных, в такую же систему комсомольских организаций. Особым образом в школе была организована и система назначения классных старост, что часто обыгрывалось как «выборы». Главной задачей старосты было держать под наблюдением всех учащихся во вверенном классе и

доносить о настроениях, разговорах, мыслях среди учеников, а по возможности, и их родителей.

Политические установки в стране менялись каждый год, а потому учителям приходилось постоянно подстраиваться и перестраиваться. Например, вначале на уроках обществоведения ученикам с большим пафосом и гордостью рассказывали, что Ленин, руководивший разгромом царизма, отправил в ссылку, а затем и уничтожил самого царя вместе с семьёй, вырвав с корнем это проклятое племя, веками угнетавшее народ. Ученики должны были гордиться тем, что Владимир Ильич такой отважный. Однако через несколько лет Владимир Ильич предстал перед школьниками человеком добрым и гуманным, он, оказывается, очень опечалился, когда узнал, что местные власти без его ведома убили царя, и даже его дочерей и сына. «Это ужасно! Какая дикая расправа!» – воскликнул будто бы Владимир Ильич, тяжело переживая случившееся. И ученики опять гордились, что он такой добрый, и искренне разделяли его печаль. Следующие поколения педагогов проводили воспитательный процесс по уже установившимся лекалам. С быстротой инфекции возвращались поколения лицемеров, оборотней, стукачей, разномастных реформаторов, которые виртуозно выстроили систему демонтажа доставшегося им государства.

Революция подразумевает прогресс в новой организации общественного строя. Однако на деле во всех сферах коммунистической идеологии и практикой её реализации предусматривался откат к худшим периодам истории человечества. От религии – к язычеству с его патологической жестокостью и идолопоклонством; в правовой сфере – к инквизиции и опричнине, в промышленности – к рабовладельческим принципам организации труда, во внешней политике – к экспансивно-имперскому мышлению и порабощению других народов, и т.д.

*«...Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»
Троицкая фабрика. 1970-е г.г.*

Колоссальная задача – обосновывать и внедрять в детские умы психологию «нового человека» – легла на хрупкие плечи Надежды Константиновны Крупской, и она справилась с ней блестяще. Её считали «покладистой душой». Для жены вождя это было положительное качество, тем более что после смерти мужа она начала совсем уходить в тень, а точнее, в глубины Наркомнаробраза. По характеру очень дисциплинированная, все команды и указания она выполняла безропотно и точно до идиотизма, сказывалось воспитание в офицерской семье. Такое положение вполне устраивало и партию, и нового вождя (Сталина).

В итоге эта внешне серая, аморфная женщина принесла нашей стране больше ущерба, чем ЧК-ОГПУ-НКВД вместе взятые. Если чекисты уничтожали определённую часть населения по классовому признаку, то Крупская искалечила души, мировоззрение, свободное мышление и инициативу четырём поколениям советского народа. Эта тотальная идеологическая диверсия против генофонда нации значительно тяжелее массовых расстрелов и лагерной изоляции. Это преступление с необратимыми последствиями, проявившимися к концу столетия со всей своей уродливой очевидностью.

Крупская разгромила российское отделение международной скаутской демократической организации, в основе которой лежало воспитание высоких моральных и духовных качеств, трудолюбия, развитие природных дарований. Созданная в начале века по указу Николая II, организация состояла из 53 тысяч ребят. Вместо неё Крупская создала сверхполитизированную детскую секту при партии большевиков, которая стала называться *пионерией*. Главной целью становилось воспитание фанатичной преданности Ленину и Сталину. «В борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» – звучал главный призыв, и миллионы роботов, вскидывая руку в салюте, отвечали: «Всегда готов!» На какую борьбу, с кем и во имя чего – всё это неважно; важно, чтобы любой ценой, в любую минуту каждый был готов не задумываясь выполнить любой приказ, ведь «совесть – это мещанское чувство». К концу 1920-х годов на отработанных большевистских принципах проводилась большая агитационная работа по натравливанию детей друг на друга, за выполнением этого ленинского завета стали следить учителя, воспитатели и администрация школ, детских садов, пионерлагерей. Это, конечно, аморально и преступно, но свойственно сложившейся системе, чья мораль укладывалась в плакат, которые висели тогда в каждом классе, объясняющий, что «школьник великой Советской страны не должен быть подавляем никакими учениями ни одной религии, они отвлекают от главного – построения социализма в стране. У школьника должна быть одна мечта – стать пионером, а у пионера одна цель – борьба за дело Ленина-Сталина». Плоды подобного воспитания сказались быстрее, чем это могли предположить сами воспитатели, и первый почин принадлежит, конечно, юному пионеру, значительно превзошедшему самые смелые ожидания.

Все, кто учился в советских школах, да нередко и в наши дни это встречается в программах, хорошо знает о герое-пионере Павлике Морозове. Советские энциклопедические издания характеризуют его как «юного участника борьбы с кулачеством в Свердловской области в период коллективизации сельского хозяйства. Председатель пионерского отряда села Герасимовка, убит кулаками». Павлику было 14 лет, когда он, видимо, вполне морально созрев, совершил свой «отважный», обессмертивший его имя «подвиг».

На самом деле история была такова. Отец Павла, Трофим Морозов, будучи председателем сельсовета, и, что очень важно – коммунистом, выдавал справки крестьянам, сдавшим хлеб, чтобы они могли избежать повторных притязаний и ссылки на принудительные работы за срыв сельхоззаготовок. Он оставил свою жену (мать Павла) и ушёл к другой женщине. Мать это тяжело переживала, и Павел решил отомстить за неё отцу. Он написал донос в НКВД, где незатейливо, по-детски, сообщал, что его отец плохо работает председателем сельсовета, а потому его нужно убрать. Его и убрали: приехали, арестовали, быстро получили признательные показания, искалечив до неузнаваемости, и больше его никто не видел. Возмущённые односельчане подстерегли доносчика в лесу и забили насмерть. Работники НКВД приехали снова, и почти всё село, включая малых детей, отправили в тюрьму, затем всех осудили на разные сроки. Дома и имущество конфисковали, всё ценное увезли в райотдел.

Павел не был пионером, он был простым советским школьником. Нашлись предприимчивые люди, заработавшие на этой трагедии политический капитал. С их «помощью» Павла заочно, на том свете, приняли в пионеры, сделали героем, борцом за коммунизм. Так он стал примером для всех пионеров страны, которые должны были ставить политические интересы выше отца и матери.

Простой уральский мальчик Павел Морозов, не пионер, не коридорный интриган, он просто оклеветал отца. Кулак – враг, и его, разумеется, нужно уничтожить, это Павел хорошо усвоил в школе. Но он пошёл дальше, уничтожив своего отца-коммуниста, большевика, председателя сельсовета. Это было, как говорят сегодня, *ноу-хау*, такое, безусловно, достойно памятника! М. Горький, услышав этот миф, расчувствовался и предложил поставить памятник «великому борцу за коммунизм». Сталин смотрел на вещи реально; рассказывают, что, выслушав доклад по материалам следствия, он заметил: «Ну и негодяй этот Павлик – родного отца предал! Но – надо его прославить...» Сказка о герое-пионере, обретя такую рецензию и опекуна, была широко растиражирована и вошла во все школьные программы.

Сам того не ведая, Павлик Морозов стал причиной нового витка в большой селекционной работе. В зону особого внимания попали дети сотрудников НКВД

(«энкавэдэшата»), которые с пелёнок должны были понимать своё место: они стоят над обществом, они – сверхчеловеки. Дети сотрудников воспитывались как потомственные охранники-надзиратели. Для них шили особую школьную форму, организовывали в специальные отряды, в которых они практически воспринимали разницу между собой и остальными ребятами – потенциальными зеками. Каждый юный чекист твёрдо знал: «У меня один друг – мой вождь, все остальные – даже мои близкие – явные или скрытые враги, а враг должен быть уничтожен!» Воспитанники таких отрядов прививались от опасных для их будущей профессии болезней – доброты, милосердия, сострадания и чести – этими пошлыми мещанскими заразами болеть не полагалось уже с дошкольного возраста. Позднее появились дружины ЮДМ (юный друг милиции), ОКОТ (оператив-

ный комсомольский отряд), ДНД (добровольная народная дружина) и пр. Вообще режим и воспитание в школах – одно из самых гениальных изобретений тоталитарной системы СССР, и роль в ней Надежды Константиновны Крупской является, без преувеличения, демонической.

Но дошла очередь и до Крупской. Отношения со Сталиным у неё не сложились изначально, а особенно напряжёнными стали с декабря 1922 года, когда Сталин добился решения Политбюро о возложении на него заботы о здоровье тяжело заболевшего Ленина. Крупская постоянно мешала Сталину и действовала ему на нервы. Сталин стал ей грубить и вмешиваться в её личную жизнь. Надежда Константиновна пожаловалась Каменеву, и Сталину пришлось письменно извиниться перед ней, но он тут же нахамил и обругал её по телефону. Тогда Ленин продиктовал резкое письмо, что, если так будет продолжаться, он «будет вынужден подумать о разрыве отношений» со Сталиным. После смерти Ленина Крупская стала досаждать Сталину ещё больше, категорически возражая против мумификации мужа и даже призывая население по её примеру не посещать мавзолеев. Потом Сталин припомнил ей всё, велел Молотову «бить её как раскольницу» при помощи средств массовой информации. Крупская сломалась и покорно шла за новым вождем, предав всех соратников мужа и даже проголосовав в марте 1937 года за исключение их из партии и передачу в руки НКВД.

Несмотря на всю её титаническую работу в области образования и воспитания, Сталин всегда считал, что лучше бы её не было. Решив, наконец, расправиться с неугодной вдовой, он действовал по уже отработанной схеме. В 1937-м Крупская была награждена орденом Ленина, а в августе 1938-го началась травля. Политбюро осудило её за помощь Мариэтте Шагинян в написании романа о семье Ульяновых, посчитав «недопустимым и бестактным, что тов. Крупская делала это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), превращая тем самым общественное дело – составление произведений о Ленине – в частное и семейное дело».

24 февраля 1939 года Крупская, объевшись торта, от чего она последнее время воздерживалась, памятуя категорический запрет докторов, почувствовала нарастающую боль в животе. Врачи определили непроходимость кишок, но без санкции «хозяина» операцию делать отказались, оставив корчившуюся женщину умирать в страшных мучениях. Впрочем, это нисколько не противоречило заложенному Надеждой Константиновной моральному кодексу строителей коммунизма.

«В наши дни, быть может, внучатам уместно говорить без упрёка своим бабушкам и дедушкам: “Ну что ты понимаешь в духовности и морали? Ты человек из большевистского прошлого, воспитанный в ненависти, грубости, подлости, стяжательстве, бездуховности, эгоизме. Так чему же можно у тебя учиться?” И правда, мы уничтожали книги, церковные хоровые ноты, канделябры, подсвечники, люстры, иконы, лампы, старинные альбомы, фото и гравюры. И как нас за это хвалили и в школе, и на пионерских сборах, и в комсомоле! Мы загнали нашу историю, как клячу, пиная и топча и левой и правой. Слово неизменно предоставлялось маузеру: это был (слава поэту, призывавшему дать ему слово!) и довод, и наука, и совесть, и честь. Да, наступает новое время, когда дедушкам и бабушкам придётся учиться у внуков, которые, будем надеяться, вернув нам нашу историю, наши традиции, веру, духовность, честь и совесть, возвысятся над нами, выведут нас в нормальное, цивилизованное человеческое общество» (А. Мирек).

В постсоветской России посеянный большевиками атеизм развивался тремя путями: с одной стороны поддерживались традиционные формы воинствующего безбожия (т.н. *небольшевистский атеизм*), с другой – атеистическое мировоззрение осмысливалось через идеи гуманизма и свободомыслия (*светский гуманизм*), и, кроме того, формировалась идеология «*нового русского атеизма*». Для всех трёх форм постсоветского атеизма в разной степени характерно негативное отношение к участию Церкви в жизни общества.

Первые антицерковные и антирелигиозные публикации появились в 1992 году в газете ЦК Российской (революционной) партии коммунистов «Мысль». В середине 90-х преимущественно в Интернете выступления атеистов приобрели некоторую смысловую стройность и организованность. Первый и до сих пор наиболее популярный атеистический Интернет-проект, названный «Атеистический сайт» («А-сайт»), был создан в 1996 году в Новосибирске и поддержан Новосибирской областной образовательной сетью. Помимо откровенного хулиганства на сайте представлены серьёзные проекты, к которым относится страничка «Новый русский атеизм» (с 2000 года), отражающая идеологию молодёжного крыла современного атеистического движения. Почти одновременно с созданием «А-сайта» в Интернете появились публикации против религии и Церкви некоего Борцова, скрывающегося под псевдонимом Waгax и придерживающегося не только атеистических, но и сатанинских взглядов (позднее Борцов создал страницу «Waгax Blackfire Pandemonium»). До ноября 2001 года Waгax входил в состав атеистического движения АТОМ (Атеистическое Общество Москвы), что стало отражением новой реальности в атеистическом движении, в своих крайних выражениях смыкающимся с сатанизмом.

Значительная часть атеистических интернет-проектов отличается экстремистской антицерковной и антихристианской направленностью, есть откровенно кощунственные сайты. Один из последних атеистических интернет-проектов – сайт «No cult» (2001 год), в качестве заслуживающей уважения ценности провозглашает «разум свободного человека» и настаивает на опровержении и порицании «религии, суеверий, обскурантизма».

18 мая 2000 года было учреждено Московское движение атеистов (АТОМ), а 1 июля того же года создано Общество атеистов Подмосковья – единственная в России зарегистрированная организация атеистов-антиклерикалов. 16 декабря 2000 года в Институте физики земли РАН прошла 1-я Антиклерикальная научно-практическая конференция «Наука, религия, атеизм», которая обратилась с призывом к Русской Православной Церкви «умерить свой реваншистский пыл». 26 декабря в Институте развития прессы состоялась пресс-конференция по теме «Угроза клерикализма и нарушение прав неверующих в современной России», в которой участвовали члены исполкома АТОМ (Л. Левинсон, Н. Гудсков, А. Щев), заявившие о якобы имевшем место в России массовом нарушении конституционных принципов светского государства, светского образования, светской государственной службы и т.д. Участники конференции констатировали, что наблюдаемый ими «реванш клерикальных сил» осуществляется «ради давно отживших ветхозаветных мифов и нелепых суеверий». Конференция продемонстрировала, что часть правозащитнического движения смыкается с постсоветским атеистическим.

Одновременно в российском обществе в 90-х годах формировался атеизм в форме «секулярного (светского) гуманизма». Главная инициатива в процессе формирования данной разновидности постсоветского атеизма принадлежит профессору философского факультета МГУ В.А. Кувакину, учредившему в мае 1995 года вместе с единомышленниками Межрегиональное общественное объединение «Российское гуманистическое общество» (РГО), целью которого является «содействие развитию гуманизма, в том числе разработке, распространению и утверждению в российском обществе идей светского, гражданского гуманизма, свободомыслия; содействие изучению принципов научно-атеистического и других форм нерелигиозного мировоззрения (скептицизма, агностицизма, индифферентизма по отношению к религии)». Объясняя понятие «светский гуманизм», Кувакин утверждает: «Человек, а не вымышленный Бог превыше всего! Гуманизм по мировоззрению противостоит религии. Стремясь завуалировать объективную бесчеловечность религии, философы от теологии выдвинули понятие “религиозного гуманизма”. Чтобы не путать его с подлинным гуманизмом, введён в обращение термин “светского”, т.е. нерелигиозного, или секулярного, гуманизма».

В декларации РГО «Принципы гуманистического мировоззрения» говорится о связи гуманизма с атеизмом, поскольку гуманистам чуждо признание реальности сверхъестественного и трансцендентного. В РГО состоят академики РАН В.Л. Гинзбург, Э.П. Кругляков, Г.И. Абелев, профессор МФТИ С.П. Капица, Э.В. Памфилова и другие. Идея объединения была заимствована из опыта международного секулярного гуманистического движения, создавшего в 1953 году «Международный гуманистический и этический союз», в котором в конце XX века ведущую роль играл философ П. Курц (США), президент «Международной академии гуманизма». Во второй половине 1990-х годов в Москве действовал семинар «Современный гуманизм и современная Россия» (руководитель – профессор М.Н. Грецкий), на котором обсуждались принципы и перспективы современного гуманизма в России и в мире, содержание таких понятий как «свободомыслие», «нравственность» и т.д.

К концу 90-х деятельность сторонников «нового русского атеизма» стала приобретать политические формы. 12 апреля 2001 года АТОМ провёл пресс-конференцию под названием «Нет мракобесию в XXI веке», на которой была представлена очередная декларация «В защиту свободы совести и светского государства». В этом документе «новые русские атеисты» выразили «глубокую тревогу по поводу нарастания в Российской Федерации проявлений клерикализма, в особенности со стороны РПЦ». Под текстом декларации подписались 150 человек: академики Гинзбург, В.Н. Страхов и Е.Л. Фейнберг, правозащитник С.А. Ковалёв, депутат Государственной Думы (ныне бывший) В. Семёнов, политологи и журналисты А. Бузгалин, Б. Кагарлицкий и прочие. Несмотря на активность постсоветское атеистическое движение ещё не выработало на тот момент единой идеологии и не приобрело силу общественно значимого движения, но уже стало общественно заметным явлением.

Общим проектом российского атеистического движения стал открывшийся в Москве 17 февраля 2001 года общедоступный субботний лекторий «Академия свободомыслия», созданный усилиями АТОМа, Общества атеистов Подмосковья, Объединения исследователей религии, РГО и Молодёжного университета современного социализма. Лекции читали известные исследователи и религиоведы (З.А. Тажуризина, Р.А. Лопаткин, Кувакин) и молодые пропагандисты атеизма. В июне 2001 года на «А-сайте» появился доработанный текст «Манифеста атеизма», в котором декларируется: «Атеизм является не простым неверием в бога, а представляет собой мировоззрение, включающее в себя научные, моральные и социальные основания для отрицания существования бога и философию жизни без бога». Однако в результате обсуждения «Манифеста» обнаружилось, что в движении атеистов нет единого мнения по вопросу о том, является ли основой атеизма светский гуманизм (позиция «А-сайта» и РГО) или это более многообразное явление. Давно намечавшийся раскол оформился 10 ноября 2001 года, когда часть исполкома АТОМа не согласилась с исключением Борцова (Wargax) из членов организации, полагая, что атеистическое общество должно быть терпимо ко всем формам атеизма, в том числе сатанистским, анархистским и большевистским. Эти события показали, что в условиях формирования в России гражданского общества атеизм мимикрирует, приобретая новые формы и стремясь легализоваться как общественная сила.

В конце 2008-го учебного года в ряде российских школ во всех 89 регионах страны, в городских и сельских поселениях, был проведён социологический опрос среди выпускников, давший ошеломляющие результаты. Как оказалось, половина опрошенных ради приобретения материальных благ или достижения некоего карьерного роста готовы не задумываясь переступить через любые моральные принципы. В то же время почти никто из новобранцев, тоже не так давно окончивших, как минимум, среднюю общеобразовательную школу и ныне призванных на срочную службу в ряды Вооружённых Сил, не смог внятно ответить на вопрос: что такое совесть? Это удивило даже тех, которых в нашей стране мало, но у кого всего много, – ведь такое положение несовместимо с дальнейшим существованием государства, населённого циничной массой костюмированных калькуляторов.

Образование в России вообще почему-то оказалось причислено к сфере «услуг для населения» наряду с парикмахерскими и химчистками, а конкретно средние учебные заведения до сих пор считаются прибежищем обречённых на сизифов труд неудачников, которым с меткой иронией придумали остроумное утешение: «Дальше школы не сошлют, больше класса не дадут». Консервативные школьные программы, под видом знаний вкладывающие в детские головы лишь искажённые представления о предметах, на самом деле призваны сбивать с толку и без того не адаптированных к реальной жизни учеников. За годы обучения их пробовали приобщить и к хеллоуину с валеологией, и к «толерантному» религиоведению с блинами и валентинками, денно-нощно с телевизионных экранов пичкали возведёнными в культовую норму скотским развратом и изошрённым насилием. Теперь нынешние выпускники, как и все их подопытные предшественники, должны вдруг стать, по мнению взрослых, законопослушными членами воспитавшего их таким способом общества. Но даже если кому-то и удалось сохранить остатки нравственной чистоты, её сотрёт беспросветная бедность – неизменная спутница моральных устоев и добропорядочности. «Где бритвы нет, там шило бреет, – гласит народная мудрость, – нужда законов не имеет».

И всё-таки, как бы там ни было, сплошь и рядом только простой школьный учитель, обычно это женщина выше средних лет с плохо устроенной личной жизнью, остаётся один на один перед беспощадным валом индустрии порока, круглосуточно призывающего не раздумывая «брать от жизни всё», и пытается за отведённые 40 минут методом устного убеждения привить своим ученикам, которые на начальной стадии простодушно внимают каждому слову, классические идеалы доброты и гармонии с окружающим миром. Не находя подтверждения в повседневной действительности, слова эти со временем растворяются в детском сознании, лишь изредка всплывая воспоминаниями о лучших годах, проведённых в родной школе, о первой учительнице, всегда заботливой и отзывчивой, искренне желающей своим воспитанникам счастья и благополучия, и к которой тянет иногда с безотчётной грустью... Теперь всё чаще и сами учителя ищут вспомоществования себе в педагогическом опыте давно минувших дней, наилучшим из которых, – и это можно утверждать однозначно, – является опыт Сергея Александровича Рачинского.

*Сергей Санков
24 июля 2008 года.*

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Горбов Н.М. «С.А. Рачинский». С.-П.-б., 1903 г. Изд. О.Р.Р.Н. Просвещения.
2. Мирек А.М. «Красный мираж. Палачи великой России». М., 2006.
3. «К.П. Победоносцев. Сочинения». Санкт-Петербург, 1996.
4. Православная энциклопедия.
5. «Церковные ведомости». №№ 20, 24 и 32. 1902.

* *
*

Фрагмент старинного тракта Селижарово – Молодой Туд. 2003 год.

«ТАТЕВО»

«С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье»

Баратынский.

Путь от Ржева до Татёва вовсе не однообразен и далеко превосходит то, что представляем себе почему-то при мысли о Бельском уезде Смоленской губернии. В Ржеве встретился я с доктором Петровым, бывшим когда-то в Татёве. Он мне сказал, что оно окружено лесом и стоит в глуши. Под этим впечатлением я и двинулся в путь.

За Ржевом мы переправились на пароме через Волгу. Со мною ехал лесничий из Молодого Туда Н.Ю. Обрехт. Красивая усадьба Ермоловых осталась у нас вправо. Местность всё время пересечённая. Мы проехали мимо другой живописной усадьбы, окружённой сосновым лесом, и переправились через приток Волги, за которым вскоре показались здания села Зайцева, принадлежащего графу А.П. Игнатьеву. В то же время неожиданно показалась коляска, в которой ехал из своего имения сам хозяин, направляясь в Петербург. За Зайцевым скоро показалась его же усадьба с. Чертолино, приятно поражающая своим благоустройством. Издали сквозь просеку рощи промелькнули здания, но они остались от нас вправо, и мы продолжали путь просёлком, пока не добрались до Бельского тракта. Большак то и дело пересекал деревни, в полях кипела уборка хлеба. Кругом всё рощи с яркою, освещённою вечерним солнцем зеленью, а мы всё едем и едем.

Вот уже вёрст 40 проехали. Пришлось остановиться в деревне Тарасовке часа на три – покормить лошадей. Постоялый двор довольно опрятный. Один из ямщиков, болтливый старик, рассказал, что он ещё помнит моего отца, во время переездов его в Москву, когда сам он был ещё фореитором. В Тарасовке мы закусили и двинулись в дальнейший путь при последних лучах солнца. Небо было чистое и воздух чудный. Мы продолжали путь по Бельскому тракту. Мало помалу стало темнеть, и на низинах показался туман. Проехали мы большую д. Быстрику, за нею ещё несколько деревень и, наконец, д. Воронину. Стало свежее, но нельзя было не наслаждаться картиною чистого неба с светящимися звёздами. Вот показалась и луна, а белая пелена тумана, скрывая резкие очертания зданий и лесов, придавала всему окружающему какую-то особую, таинственную прелесть.

Мы запахнулись сильнее, чувствуя сырость и не переставая любоваться сменяющимися картинами. «Далеко ли до Берёзы?» – спросил я полусонного ямщика, но он неохотно промычал что-то в ответ; вот показалась на пригорке освещённая луною белая церковь с обширною оградой. Это погост Берёза. Здесь и речка с этим названием и длинный мост, отделяющий грань Тверской губ. от Смоленской. Мы переехали через этот мост, а туман расстилался по полям и заслонял всё течение Берёзы; вскоре показались большие леса, мы въехали в какую-то удивительную рощу, всё продолжая Бельским трактом приближаться к Татеву. Ещё несколько вёрст лесной дороги, – и крутой поворот направо сначала рощею, залитою лунным светом, потом полями с бесконечными копнами сжатого хлеба. Туман становился всё гуще, и всё ярче светил месяц, озаряя серебристыми лучами всю окрестность. И вот опять надвинулся к нам лес, засверкали огоньки, обрисовались большие белые здания скотного двора, и дорога круто стала спускаться в ложину, по скатам которой красовались деревья: ямщик задержал лошадей, потом дружно пустил их по мосту, и мы увидели влево гладкую поверхность озера, казавшегося бесконечным, вдоль берегов которого живописно склонялись деревья. Не успели мы оглянуться под сильным впечатлением, как тройка наша быстро помчалась в гору, показался чудный сад, и сквозь одну из просек неожиданно промелькнул белый с колоннами фасад дома, в окнах которого горел яркий огонь; но всё это мгновенно исчезло, и мы продолжали подыматься в гору, вот ряд усадебных зданий и флигелей остался у нас влево, послышался лай собак, и кто-то, выступая из мрака, промелькнул по дороге. Всматриваемся внимательно и узнаём Н.П. Богданова-Бельского*. Мы приостановились, он вскочил в нашу коляску, круто повернувшую вправо, и мы подъехали к подъезду освещённого старинного дома. Быстро взошёл я на крыльцо и прямо в залу. Она была освещена в два света, посередине стоял стол, на котором кипел самовар, и лежала корзина с персиками. Нас никто не встретил. Богданов-Бельский провёл меня в назначенную для меня комнату, сказав, что хозяин не дождавшись лёг спать; но не прошло и нескольких минут, как дверь отворилась и в комнату вошёл С.А. Рачинский.

Он был уже раздет, на нём был тёмный японский халат, и он быстро и горячо пожал мне руку. Я взглянул на его лицо и изумился: до того оно было выразительно с седыми волосами, прядью спускающимися на чело. Добрая и тонкая улыбка светилась на его лице, а глаза, блестящие, полные жизни и огня, придавали появлению его какое-то особое, неожиданно сильное впечатление. После первых слов приветствия он быстро повёл меня в залу, оттуда на открытый балкон. Перед нами

расстился сад с чудными группами деревьев, с клумбами благоухающих необыкновенною силою цветов. Стройные и изящные очертания деревьев и растений при свете луны и под только что пережитым впечатлением тумана резко и удивительно бросались в глаза... Передо мною был не то старик, не то юноша с выразительно и приветливою улыбкою, с неизменною прядью седых волос. Разнообразные впечатления сильно приковывали к месту с сознанием какого-то особого, невыразимого очарования.

Быстро напился я чаю и вернулся в свою комнату. Рачинский ещё посидел несколько минут и тотчас же заговорил о занимающем нас деле, об изданиях, о народных библиотеках. Но я не в силах был от усталости и волнения вести разговора. Он это заметил, быстро простился и исчез, оставив меня в недоумении и в то же время под каким-то непередаваемым впечатлением душевной радости и покоя.

Комната носила особый отпечаток: старая мебель, письменный стол, на стенах два портрета прошлого века: мужская фигура в белом камзоле и другая тёмная и тучная с крестом на груди.

Я долго не мог прийти в себя. Вскоре пришёл и посидел у меня Богданов-Бельский, потом я лёг и заснул богатырским сном.

На следующее утро солнце ярко осветило мою комнату. Я поспешил встать и попросил себе кофе, но не успел ещё одеться, как в дверях показался С.А. Рачинский. После двух-трёх слов приветствия он прямо обратился к делу. Весь разговор был непродолжителен, без лишних слов, всё было просто и искренно, и потому убедительно. Сразу всё стало ясно, и всё было обоюдно высказано.

Был одиннадцатый час. Рачинский предложил прогулку вокруг усадьбы, как потом шутя он выразился: «le tour du propriétaire». Богданов-Бельский пошёл с нами, видимо довольный впечатлениями, которых я не скрывал, о Татеве и о хозяине его.

Меня прежде всего поразили живописные, истинно художественные очертания сада, видимо посаженного опытною рукою; распределение групп, подбор деревьев и кустов; во всём видны знание и любовь к делу. Рачинский пояснил, что сад посажен его родителями и старательно им поддерживается и охраняется. Он с видимою любовью говорил о саде и явно наслаждался им. «У меня нет садовника, – говорил он, – я сам садовник». Он вывел нас на открытую поляну с отлогим наклоном к оврагу, заросшему лесом. Опять новые картины – уже иного характера. Всё было свежо и зелено, и всё залито солнцем. «Пойдёмте в школу», – сказал Рачинский и повернул по тенистой дорожке, полузаросшей и поднимающейся куда-то вверх в тенистую даль. По дороге росли папоротники и разнообразнейшие растения, мне неизвестные, и цветы, и всё росло и цвело в каком-то удивительном сочетании, и рост их казался таким сильным. Разнообразие растительности было необычайное, а дорожка шла всё прямо и всё подымаясь, полудикая и таинственная, и чем ближе к концу, тем всё выше и темнее эта дорожка, и вот мы на вершине, и перед нами церковь белая каменная, без затей, а около неё ряд гробниц. «Это могила моей матери, – сказал Рачинский, – а вот могила отца – он сам выбрал себе этот камень, случайно им найденный, и сказал, чтоб его положили на его могилу, не думая, что после этих слов оно так скоро осуществится». Рачинский поклонился и не останавливаясь повёл нас к большому зданию, одноэтажному, с высоким чердачным помещением и балконом внизу. Тёмная толевая крыша придавала ему строгий вид, но вьющийся виноград и цветы по стенам оживляли, и по мере при-

ближения становились теплее и приветливее. То была первоначальная школа Татеева, где Рачинский сам преподавал несколько лет, та школа, что изображена на картине Богданова-Бельского, в которой столько прожито и передумано, столько посеяно добра на благо и на счастье стольким поколениям учащихся.

Мы вошли в просторное помещение школы. За нами вошли два молодых человека и мальчик. Все они относились к Рачинскому как к близкому и родному.

Мы сели у окна, но разговора не было, да и что было говорить? Рачинский о чём-то расспрашивал молодёжь. Здесь везде простота и искренность, не нуждающаяся ни в словах, ни в прикрасах. И эта царящая здесь правда чувствуется во всём.

Мы просидели довольно долго; меня поразило выражение окружающих, особенно ребёнка: прислонившись к скамье, он пристально глядел на Рачинского; меня поразили этот внимательный, осмысленный взгляд. Я не удержался, чтобы не высказать этого Рачинскому. На стенах висят незатейливые портреты некоторых из прежних учеников, крестьянских мальчиков, в рубашонках. Лик Спасителя не мог не остановить внимания. Это юношеская работа Богданова-Бельского. У иконы, красивым почерком устава, написаны на стене молитвы. Рачинский сказал, что это его работа: теперь, лишённый возможности преподавать в школе, он утешается таким трудом.

Из школы он хотел повернуть к дому, но Богданов-Бельский уговорил пойти дальше. «А вы не устали?» – спросил у меня Рачинский; и видя, что я на всё готов, бодро повёл нас вокруг фруктового сада по дороге, окружающей усадьбу и с которой открывается широкий вид на смежные луга и рощи, на всю даль уходящих полей и урочищ Тверской губернии.

У опушки леса, спускающегося с возвышенности усадьбы, показались здания. «Это наш Мюр и Мерилиз», – сказал Рачинский улыбаясь и пояснил, что это лавка для нужд местного населения. Мы повернули в тенистую берёзовую аллею, направляющуюся прямо к дому. Жаль было расстаться с широким и привольным видом. Подходя к дому, белые колонны которого внушительно твердили о былом, Рачинский указал на укромный домик с балконом, где жил его брат.

Мы продолжали прогулку и зашли во флигель, соединённый крытыми ходами с домом. Это квартира и временная мастерская Богданова-Бельского. Здесь мы остановились, рассматривая его этюды и картины. Христос на водах, с прекрасным лицом, и две картины, перед которыми невольно задумаешься. Старик стоит у изгороди из плетня и отворяет незатейливые деревенские ворота. Перед ним соломенное его ложе. Он древен и тело исхудало, седая борода опускается на грудь. Картина эта будет носить название «Последний заработок».

Но вот и другая картина. Изображение обителю; древние стены церкви, сад и скамья, на которой сидит старец в монашеской одежде, а перед ним – молодой парень, наклонив голову. Выражение последнего тревожное и мятежное, но он задумался над чем-то, внезапно его поразившим, и глаза его смущённо опущены к земле. А старец спокойно сидит перед ним – всё в нём словно замерло, но всмотритесь, и увидите глаза, быстро и неотразимо устремлённые на парня. Это луч света, впервые проникающий в душевную тьму. Сквозь деревья видна заманчивая, прозрачная даль.

Тут же наброски мальчиков, играющих на дудочке, и другие еле начатые работы.

Рачинский с любовью остановился перед картинами и указывал на их достоинства. Затем он привёл нас в каменное помещение, но не доделанное. «Это так называемая оранжерея, она предназначалась отцом моим под оранжерею, но так и осталась недоделанною. Теперь в ней варят варенье», – улыбаясь сказал Рачинский, указывая на плиту.

Мы зашли в его кабинет.

Это небольшая, уютная комната в два окна с письменным столом и шкафом для книг и с перегородкой, за которою его спальня. Здесь показал он мне собрание его переписки, тщательно переплетённой и расположенной в хронологическом порядке. По словам Рачинского, эта переписка имеет прямое отношение к царствованию Государя Александра III и касается многих возбужденных при нём вопросов... Он показал мне интересный портрет – небольшой, масляными красками, Императрицы Екатерины II, в трауре по Петре III, и картину, изображающую голову Итальянца, работы Богданова-Бельского.

На окнах расставлены горшочки с цветами, или вернее с разводками, которыми Сергей Александрович сам занимается как ботаник.

Отсюда пошли мы на балкон, где я познакомился с семьёю. Тут была сестра его и хозяйка дома Варвара Александровна Рачинская. Татеву ей принадлежит. Здесь и другая сестра – вдова, и двоюродная сестра – Мамонова, а также брат Сергея Александровича.

Обедали мы в большой столовой в два света, после чего видел я старую гостиную с видами Парижа, привезёнными отцом Рачинского в 1814 году, видел и библиотеку, а в ней – интересный портрет Цесаревича Павла Петровича масляными красками и совсем ещё ребёнком. Сергей Александрович пояснил мне, что Цесаревич Павел покровитель его семьи и по Рачинским и по Баратынским.

После обычного двухчасового дневного послеобеденного отдыха Рачинский предложил мне поездку в соседнюю усадьбу Богданова-Бельского, где у него только что закончена мастерская. Это от Татева верстах в 12-ти. Богданов-Бельский выехал раньше нас, а мы с Сергеем Александровичем поместились в тарантасе.

День был жаркий, вполне летний, но мы большею частью ехали Татевскими лесами, которые тянутся на расстоянии многих тысяч десятин. Дорога совсем недурна и разнообразна. Очень было приятно ехать, а ещё приятнее беседовать. Хотя разговор и был отрывочный, сменяемый дорожными впечатлениями, всё же он остался у меня глубоко в памяти.

Когда мы наконец подъехали к селению Глухову, где возвышалась церковь, а около неё училище, недавно отстроенное заново, Рачинский сказал мне, что после его смерти попечителем Глуховского училища будет Богданов-Бельский. «А вот и дом его!» – Рачинский показал на красивое здание на противоположном склоне горы, отделяемой оврагом и течением Лучёсы от погоста Глуховского. Мы переехали Лучёсу и, поднявшись на возвышенность, остановились у дома, где были встречены хозяином.

Здесь мы пили чай на балконе и любовались прекрасной мастерской и вообще помещением. Рачинский несколько раз прилёг отдохнуть, а мы с Богдановым-Бельским обошли всю его дачу, почти по меже, и я любовался видами и тихим её привольем, столь располагающим к труду.

Вернулись мы другою дорогою, когда уже начинало смеркаться, опять дорога лесная и опять разнообразная. Невольно среди этой глуши спросил я у Рачинского, водятся ли тут медведи?

«Водятся, – ответил он мне улыбаясь, – хотя я никогда их не встречал, зато волков зимою – часто, и как раз по этой дороге».

Мы мчались на тройке с невероятной быстротой, ловко обходя препятствия, и эта быстрая езда, видимо, привычна Рачинскому. Стрелою промчались мимо старого запущенного парка вдоль прудов. При вечернем освещении они казались особенно красивыми.

В 9 часов мы ужинали и потом вышли в сад. Вечер был тихий, и луна светила, хотя уже на ущерб.

Сергей Александрович повёл меня по саду, останавливаясь у цветов и перед растениями, от которых разливался повсюду чудный запах. Это цветы, распускающиеся именно вечером и ночью, когда они особенно и благоухают. Он сорвал один из этих цветков и дал мне понюхать – пахло точно сливочным пирожным с ванилью!.. Он называл все цветы и видимо ими наслаждался.

Долго бродили мы по саду, и не хотелось уходить, но на следующий день назначен был отъезд, и довольно ранний. Нужно было готовиться в путь. При виде мезонина над домом я спросил у Рачинского, что в нём, и он рассказал, что там никто не живёт, а хранятся вещи, и уцелел ещё старый бильярд, некогда находившийся в другой Смоленской усадьбе его деда. При этом он рассказал слышанное семейное предание, что на этом бильярде не раз спал князь Потёмкин-Таврический! Затем он добавил, что Потемкин любил простор, и кровати были ему тесны, он и выбрал себе бильярд, находившийся в библиотеке деда. К тому же по ночам любил он читать, – возьмёт книгу, другую, и, следя за развитием того, что его интересовало, он искал разъяснения в других книгах, на которые было указано, и когда проникали к нему утром, то находили Потемкина лежащим на бильярде и окружённым грудой книг!

На следующее утро ещё раз прошли мы по саду. Рачинский вернулся к первому разговору, сказав: «Resumons», и опять весьма ясно закончил начатое... Богданов-Бельский успел ещё на ходу сделать несколько фотографических снимков. Но вот подали коляску, пришёл мой спутник Н.Ю. Обрехт, и нужно было проститься с дорогими хозяевами. Быстро прошло время в Татеве, и казалось мне, что я давно уже знаком с Сергеем Александровичем, и мне жаль было уезжать, – так тепло и сердечно и просто здесь всё было, но в этой простоте и искренности особая притягательная сила.

Будущий историк невольно остановится пред значением и влиянием деятеля Ясной Поляны... Но чтобы оценить известную деятельность, нужно не только её понять, но и прочувствовать, а это последнее возможно только в Татеве. Сличая двух «сеятелей» по результатам посева – получим ясный вывод: жизненная сила и правда лишь там, где смирение и любовь!...

Граф Сергей Шереметев.

С. Молодой Туд,
26 июля 1898 года.

* – **Богданов-Бельский Николай Петрович** (1868-1945) – русский живописец, передвижник. Писал жанровые картины, посвящённые сельской школе, крестьянским детям («Устный счёт» 1895, и др.).

«Русь ушедшая и настоящая»

Прощание Словущего

(печатается по многочисленным просьбам постоянных читателей)

Северо-западнее Троицка, на коротком пути от Калужского шоссе до Киевского, находится редкостный по своему историческому ландшафту, застроенный ныне коттеджными посёлками дальний угол Наро-Фоминского района. Помимо дачников и местных жителей, неиссякаемый в оба конца автомобильный поток ежедневно наполняется работниками популярной в округе фабрики мороженого и самого роскошного в Подмоскovie 5-звёздного «Империал Парк Отеля», их деловыми гостями и зажиточными клиентами. Географически эта местность является как бы пригородом Троицка, но в административном отношении – это самые отдалённые от райцентра «задворки».

Традиционно периферийные здешние земли в позапрошлом столетии находились ещё дальше от своего уездного города – Подольска, до 1839 года ими владела Варвара Петровна Оленина, урождённая Хитрово, затем они принадлежали Сухово-Кобылиным, и граничили с Звенигородским уездом. Полковник Василий Александрович Сухово-Кобылин, отец драматурга, избрал для проживания село Воскресенки (ныне Птичное), и приобрёл сомнительную известность своей нудной перепиской с Московской консисторией, не желая содержать церковный притч сельца Пучково, юридически входившего в его имение. Без видимой связи сын полковника оказался в эпицентре многолетней судебной тяжбы по обвинению в убийстве, которая вошла в сюжет его знаменитой трилогии «Свадьба Кречинского» (1855), «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869).

В том же веке один столичный собиратель старинных преданий «ими же веси путями» установил, что в 1568 году именно сюда, в монастырь Николы Старого, первоначально был сослан Иваном Грозным опальный митрополит Филипп (Колычев), а в Смутное время здесь было сожжено тело Лжедмитрия I. О времени основания этого монастыря сведений нет, и неизвестно, когда он был упразднён, но совершенно точно, что

в 1660 году монастырские постройки перешли во владение царского окольного Фёдора Михайловича Ртищева (1626-1673), образовав после слияния с селцом Микульским село Старо-Никольское (ныне Первомайское). Его внук Василий вместо обветшавшего Никольского храма бывшей обители в 1709 году построил новую каменную церковь в честь Сошествия Святого Духа на апостолов, которая действует и в настоящее время.

Для глубины исторической картины остаётся добавить, что в XIV веке князь Иван Данилович Калита (1261-1340) раздвинул примерно на 40 километров границы «стольного града», оставив после себя Москву в совместном неделимом управлении всех трёх своих сыновей-наследников – Симеона, Ивана и Андрея. Остальные владения он поделил между ними на равные доли, подробно расписанные в «Духовной грамоте» 1339 года, оба варианта которой сохранились до наших дней:

«Сыну своему большому *Семену*» князь отписал «Можаеск со всеми волостями, Коломну со всеми Коломенскими волостями, Городенку, Мезыню, Печочну, и Середокоротну, Похряне, Усть-Мерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьске в Похрянском уезде, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, сельце **Микульское**, село Малаховское, село Напрудское у города».

«А се даю сыну своему *Ивану*: Звенигород, Кремичну, Рузу, **Фоминское**, Суходол, Великую свободку, Замошскую свободку, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовское, Тростну, Негучю. А села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузьское, село Белжинское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземское, село Домонтовское, село в Замошской слободе, село Семцинское».

«А се дал есмь сыну своему *Андрею*: Лопастну, Северьску, Нарунжское, Серпюхов, Нивну, Темну, Голичичи, Щитов, Пернемышль, Растовец, Тухачев. А се села: село Талежьское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфановское, село Ясиновское, село Коломнинское, село Ногатинское».

Таким образом, ещё в глубокой древности было заложено тройное районирование земель, в перекрестье которого оказался зажатый город Троицк – Подольским, Наро-Фоминским и Видновским, – а современный мегаполис, похоже, только в XXI веке уместится в столичном формате века XIV-го.

Теперь по этим местам пролегает благоустроенная дорога между двумя федеральными трассами, а в советское время ухабистый просёлок вёл в совхозы Птичное и Первомайское, а также в подмосковный пансионат «стран социалистического содружества» (СЭВ), именуемый «Дружба». Редкие, вечно переполненные, почему-то покосившиеся на один бок старенькие автобусы перевозили унылых, плохо одетых пассажиров в Ботаково, Жуковку, на хутор Ильичёвку, в другие неприметные с дороги пустевшие деревеньки. После войны в здешних окрестностях появились престижные ведомственные Дома отдыха и дачные кооперативы комфортно устроившейся под светом партийного фонаря интеллектуально-творческой элиты страны Советов. Любознательные во все времена дачники рано или поздно узнавали про местную достопримечательность – источник хрустально-чистой воды в Клокове, и с удовольствием этой водой запасались, не подозревая, что внешнее действие набирания живительной влаги обращается в тайный поклон памяти стоявшему когда-то на холме над источником храму в честь Воскресения Словущего.

На источнике в Клоково.

В древности Клоково было монастырским селом, принадлежало Ростовской епархии, и до конца XVII века находилось в юрисдикции Ростовских митрополитов. Сельский приход состоял из трёх деревень общей численностью до трёхсот человек мужского населения. В писцовых книгах за 1627–1628 год сказано: «за Ростовским митрополитом Варлаамом вотчина село Клоково на речке Малой Пахре (в другом месте на речке Десне, Малая Пехорка тож), в сельце церковь Живоначальныя Троицы деревянна клетки*, в церкви образы, свечи и книги, на колокольнице колокола и всякое церковное строение». Однако в переписных книгах за 1646 год отмечено, что «в селе Клокове церковь Обновления храма Воскресения Господа нашего Иисуса Христа», построенная предположительно вместо старой Свято-Троицкой церкви, поскольку последняя с тех пор нигде не упоминается.

Вообще в истории Церкви первый храм Воскресения Христова был построен матерью византийского императора Константина Великого Еленой. После подписания Миланского эдикта о веротерпимости императрица Елена захотела восстановить христианские святыни и для этого прибыла в Иерусалим. Там на Голгофе она решила построить большой храм Воскресения Христова. Храм строился 10 лет, святая благодетельница не дожидая до его завершения. Окончание сооружения храма совпало с прохождением Тирского Собора и 30-летием царствования императора Константина, поэтому освящение храма Воскресения 13 сентября 335 года было особенно торжественным. В освящении принимали участие иерархи Христианской Церкви из многих стран. Этот праздник называется в народе *Воскресением словущим*, что означает, что он *слывёт* Воскресением, в отличие от праздника Светлого Христова Воскресения, и относится именно к храму в честь Воскресения Христова. Престольный праздник 13(26) сентября.

Как уже упоминалось, до 1676 года Воскресенская церковь в Клокове числилась за Ростовской епархией и находилась в ведении Ростовского митрополита, а затем её перевели в патриаршую область, но оставили за митрополитом Ростовским и Ярославским Ионой (Сысоевичем). В книгах Патриаршего приказа была сделана соответствующая запись: «В 1676 году по указу патриарха Иоакима и по соборному деянию и по расписке из Патриарша Разряду, – прибыла вновь из Ростовской епархии в патриаршую область церковь в вотчине преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, в селе Клокове».

Священник Воскресенской церкви Кирилл в 1680 году докладывал в Патриарший приказ, что в селе Клокове не более 11-20 дворов, а церковный притч своей земли не имеет, пользуется митрополичьей, при этом с церкви взимается дань в патриаршую казну. В то время многие храмы не имели своего земельного надела и содержались за счёт богатых землевладельцев (бояр) либо архиереев, которым произвольно приписывали церковные строения, находящиеся в отдалённых местах. Патриарх Иоаким ходатайствовал перед царём Фёдором Алексеевичем, после чего в 1681 году храмам были отмерены участки из помещичьих и вотчинных земель.

В 1704 году о Воскресенской церкви села Клокова говорится лишь то, что она деревянная. Спустя 80 лет от удара молнии церковь сгорела – пожаром были уничтожены все книги, которые могли содержать сведения о приходской жизни села за этот период.

10 апреля 1787 года архиепископ московский Платон (Левшин; с 29 июня 1787 года – митрополит) выдал храмозданную грамоту: «Божиею милостию (*собственно-ручная подпись*) смиренный Платон, архиепископ московский. Просили нас Пехрянской десятины села Клокова церкви Воскресения Христова священник Иоанн Тимофеев с приходскими людьми о даче дозволения о построении вместо означенной ветхой деревянной Воскресенской церкви в тож наименование деревянным же зданием. По učinённой же в Московской консистории справке к построению оной церкви препятствия не оказалось. И сего ради благословили мы помянутую церковь деревянным зданием во имя Воскресения Христова построить на восток по подобию протчих святых церквей – доброю и благопристойною архитектурою по апробованному нами плану и фасаду дозволить, и в алтаре престол поставить в указанную меру, а именно: в вышину аршина шести вершков и со дскою**, а шириною и длиною по мере алтаря, и по построении церковь убрать святыми иконами и протчим церковным благолепием. А как построена и святыми иконами и протчим церковным благолепием украшена и всем удовольствована будет: – тогда о освящении просить нас с приобщением имяннаго реестра всей церковной утвари, яко-то: – ризницы, сосуд, книг церковных и протчих вещей ко отправлению священнослужения принадлежащих, о чём им просителям сия наша архиерейская храмоздательная грамота дана в Москве в доме нашем 1787 года Апреля 10 дня № 993. У сей храмоздательной грамоты благословенная наша архиерейская печать».

Храмозданная грамота была испрошена и получена ещё до пожара. На сохранившемся от огня «Толковом Евангелии» священником Даниилом Адриановым была сделана надпись: «1788 года июля 8 дня в ночи к 9 числу в селе Клокове старая церковь волею Божиею сгорела от молнии». Из надписи на той же книге следует, что «1789 года сентября 6 дня заложена и начата рубить деревянным зданием церковь при священнике Иване Тимофееве, которым храмоздательная грамота выхожена – 1789 года октября».

В 1790 году на старом каменном фундаменте была построена и 21 июля освящена новая, обитая тѣсом церковь. К 1866 году она обветшала и была разобрана, а на том же фундаменте построили часовню, в которой хранились остатки утвари из прежней церкви – царские ворота и иконы, по преданию сохранившиеся ещё от старинного (до 1704 года) храма. Вокруг часовни располагалось окопанное рвом старое кладбище, а на месте престола бывшего алтаря отдельно от часовни установили каменный столб.

Село Клоково. 1899 год.

Место храма Воскресения Слоущего – 2007 год.

Новая великолепная каменная церковь в честь Обновления храма Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, с правым приделом во имя Живоначальной Троицы и левым – в честь Святителя Николая Чудотворца была построена на средства крестьянина села Клокова Андрея Егоровича Палютина по проекту архитектора, статского советника Павла Прокофьевича Петрова. При рассмотрении в строительном отделении 14 мая 1873 года проект храма был признан «в техническом отношении составленным правильно и цели своей соответствующим». С этой резолюцией А.Е. Палютин обратился к московскому митрополиту Иннокентию за благословением «на начатие святого дела». Владыка выразил сомнение в возможности осуществить такой широко задуманный план, но Андрей Егорович заверил, что «по благословию владыки и Бог благословит».

К сентябрю 1876 года была построена и ко дню храмового праздника освящена холодная церковь с главным престолом Воскресения Слоущего. Освящение совершал местный благочинный отец Сергей Зерченинов, священник села Переделец, в сослужении духовника из села Летова отца Георгия Левитского и приходского клоковского священника отца Иоанна Розанова. В октябре 1879 года был освящён правый Свято-Троицкий придел, а 20 июля 1881 года освятили и левый Никольский. Ещё в 1867 году на колокольне появился новый колокол весом 144 пуда 6 фунтов (ок. 2 т 360 кг) с изображением освящения Обновлённого храма Воскресения Христова в Иерусалиме и надписью: «лит сей колокол на заводе почётного гражданина Андрея Дмитриевича Самгина, пожертвованием А.Е. Палютина и прихожан, при благочинном свящ. с. Станиславля Романе Семёновиче Покровском».

Другой большой колокол весом 292 пуда 5 фунтов (ок. 5 т) также имел надпись: «лит на том же заводе А.Д. Самгина 1885 года 15 июля пожертвованием А.Е. Палютина и доброхотных дателей при священнике Адриане Иаковлевиче Ключареве». Кресты на церкви и колокольне были установлены в августе 1884 года.

Клоковский храм находился на возвышенном месте и был виден на большом расстоянии. Его длина составляла 18 сажень (40 м), а ширина 7 сажень (15 м) – холодная церковь, и 9 сажень (20 м) – тёплая. Кирпичные стены были окрашены несколькими слоями масляной краской, полы настелены на специальные перекрытия (шанцы), а под ними были устроены сквозные оконца для вентиляции из-за появившейся сырости. Территорию вокруг храма обнесли прочной кирпичной оградой с тремя железными воротами. Толщина ограды составляла три кирпича у основания и полтора кирпича в сквозных оконцах. Для предохранения от снега и дождя вся кладка имела железную кровлю. В 1895 году Палютин оборудовал три входных двери в храм массивными железными, на чугунных столбах, навесами.

Прихожане бережно хранили древние иконы, доставшиеся им от дедов и прадедов. Большим почитанием пользовалась икона святого митрополита Леонтия, Ростовского чудотворца. В новом храме её поместили в Никольском приделе за левым клиросом. Считалось, что в бытность Леонтия настоятелем монастыря их (прихожан) предки были его приходскими монастырскими людьми.

Следует пояснить, что в Соборе Ростовских святых действительно есть святитель Леонтий-чудотворец – современник преподобных Антония и Феодосия Печерских. Он мученически погиб предположительно в 1073 году. Мощи Леонтия были обнаружены в Ростове 23 мая 1164 года, и с тех пор в этот день отмечается его память. При всём уважении к благочестивому мнению трудно согласиться, чтобы когда-либо клоковские предки были прихожанами самого святого Леонтия, скорее всего ими подразумевался ростовский храм с мощами святителя. На это есть вполне резонное историческое объяснение. Во времена татаро-монгольского ига укрепление московской государственности сопровождалось насилием при выплате строго-настроеной дани для сарайского хана. Ярлык на сбор недоимок получил Иван Калита, обложивший поборами «чужие», смежные с Москвой княжества, в том числе Ростов Великий. Беспощадно обирая должников-ростовцев князь давал им возможность и подняться, но уже в новом качестве – как подданных Москвы, предоставляя переселенцам в малонаселённые волости своего княжества большие льготы. Среди таких переселенцев был и сын разорённого ростовского боярина Кирилла Варфоломей – будущий основатель Троицкого монастыря в Радонеже преподобный Сергей. Очевидно, так возникло и село Клоково, а его жители на протяжении семи (!) веков хранили память о корнях своих предков.

Храмовая икона Николая Чудотворца в приделе его имени притягивала взоры молящихся размерами и старорусским благолепием. Даже старожилы ничего не знали о времени её происхождения. В правом Свято-Троицком приделе находился древний образ Шуйской иконы Божией Матери, украшенный драгоценными камнями – Богородица с Предвечным Младенцем покоится на руках у святого Андрея, Христа ради юродивого. Эта икона долгое время была у одной благочестивой вдовы, которая отдала её в дар новопостроенной церкви в селе Клокове. На почерневшей доске почти ничего невозможно было разглядеть: ни лика Богородицы, ни дра-

гоценных украшений на ризе. Икону тщательно промыли и вычистили, и тогда стал виден лик Божией Матери и драгоценные камни, украшающие ризу.

В холодной церкви слева от царских врат помещалась местночтимая Смоленская икона Божией Матери в серебряной позолоченной ризе весом 19 фунтов (около 10 кг), а справа находилась икона Воскресения Словущего со святым крестом. В этом кресте были частички святынь: часть древа от гроба преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и часть ризы преподобного Пафнутия Боровского. Икону украшала серебряная с позолотой риза весом 13 фунтов (около 6 кг). Здесь же находилась копия со Смоленской иконы Божией Матери, которую носили крестным ходом, а также икона Богородицы, именуемая *Плакущей*, с изображением плача Пресвятой Богородицы при снятии тела Господа с креста.

Работы по внутреннему украшению храма проводились резчиком В.И. Хрущёвым, живописцем С.А. Борисовым и позолотчиком А. Домоноговым. В 1892 году им пришлось делать капитальный ремонт из-за появившейся сырости, значительно повредившей стенную живопись и позолоту на иконах. Дорогостоящую реставрацию оплатил А.Е. Палютин. Он же заказал массивную посеребренную из белого металла сень над престолом алтаря.

В приход клоковской церкви входили три деревни – Елизарово (в 7 верстах), Конюшково и Губцево. Все прихожане заботились о благолепии родного храма. Особой благотворительностью и усердием запомнились:

- Матвей Еремеев, крестьянин села Клокова; был церковным старостой 44 года, с 1809 по 1852 год;
- Андрей Егорович Палютин, был старостой 35 лет (1852–1887);
- Пётр Иванович Блохин, крестьянин села Клокова, отличавшийся благочестием и заботливостью об украшении храма; был избран попечителем при строительстве новой церкви, пожертвовал 2000 рублей. Умер Пётр Иванович в 1893 году;
- Фёдор Иванович Горохов, крестьянин из деревни Елизарово, был наблюдателем при постройке часовни в своей деревне;
- его сын Семён Фёдорович Горохов, был псаломщиком в храме;
- Кирилл Иванович (ум. 1880) и Дмитрий Иванович (ум. 1884) Киржаковы из деревни Елизарово – жертвователи на храм.

Часовня в деревне Елизарово была построена по благословию епархиального начальства в память о чудесном избавлении от эпидемии холеры 1830 года. Елизаровские крестьяне особенно сильно пострадали тогда от этой страшной гостьи. Для погребения многочисленных умерших, которых стало невозможно носить в Клоково, отвели место под кладбище за деревней. Народ сильно упал духом, по-

скольку никакие лекарства не помогали. Тогда обратились с горячей молитвой к Господу и Пречистой Его Матери, взяли из храма местночтимую Смоленскую икону Богородицы, торжественным крестным ходом обошли с ней все окрестности, и холера прекратилась. С того времени стали ежегодно 28 июля совершать крестный ход из Клокова в Елизарово и служить благодарственные молебны перед Смоленской иконой Божией Матери.

Спустя 16 лет холера вновь появилась в этих краях. Опять было много умерших, опять их несли хоронить на деревенское кладбище, прозванное в народе «холерным». При всеобщей скорби крестьяне всей округи сошлись на крестный ход, взяв из каждой церкви особо почитаемые иконы – Смоленскую из Клокова, Боголюбскую из села Сидоровского Звенигородского уезда, Грузинскую икону Божией Матери из села Воскресенки и Николая Чудотворца из села Старо-Никольского. Служили молебны об избавлении от болезни в каждом селе и деревне, из сердечных глубин возносили слёзные молитвы, и холера опять скоро прекратилась. С той поры ежегодно 28 июля на крестный ход собирались прихожане из всех окрестных селений, а в Елизарове построили особую часовню вблизи кладбища, в которой иногда совершалось всенощное бдение. При крестном ходе был установлен следующий порядок служения: вначале обходили деревню Елизарово, служили молебны перед иконами Божией Матери, затем приходской священник совершал панихиду на кладбище «по отцах и братьях», умерших от холеры. После панихиды служили молебны преподобному Сергию, святителю Николаю и Михаилу-архангелу. Затем перед часовней совершали панихиду по императору Александру II (с 1881 года), а после панихиды служился общий благодарственный молебен с водосвятием.

- Из священников Воскресенской церкви села Клокова с XVII по XX век известны:
- Тихон (Иванов) и Еремей (вдовец) – упоминаются в документах за 1627–28 год;
 - Степан (Петров) и Кирилл – 1676 год;
 - Василий (Антонов) – 1704–1710;
 - Алексей (Иванов) – 1733;
 - Иоанн (Тимофеев) – 1780–1790;
 - Даниил (Адрианов) – с 1790 по 23 апреля 1829 года. О нём говорится в метрических книгах: «Села Клокова помре священник Даниил Адрианов по христианской должности, коему от роду было 70 лет. Погребён на кладбище. Оное погребение исправляли: села Хатминок священник Пётр Петров, села Пучкова священник Пётр Деомидов, села Ватутенок священник Иван Феодоров, села Клокова дьякон Александр Петров, дьячок Феодор Михайлов, пономарь Иван Васильев». 8 сентября 1791 года в возрасте 30 лет умерла Агриппина Никитична, жена о. Даниила;
 - Василий (Рахманов) – с 1829 по 18 августа 1833 года, 28 лет от роду;
 - Пётр (Цветков) – с июля 1834 по октябрь 1855 года;
 - Иоанн (Розанов) – с ноября 1855 по декабрь 1876 года;
 - Александр (Румянцев) – с января 1877 по февраль 1883 года;
 - Порфирий (Лавровский) – с марта 1883 по август 1887 года.

В 1885 году на средства А.Е. Палютина в Клокове была построена кирпичная церковно-приходская школа, которая состояла в ведомстве Святейшего Синода. Прибывший к месту служения 7 сентября 1887 года священник Адриан (Ключарёв) был утверждён не только настоятелем храма, но и школьным учителем. Выпускник Московской духовной семинарии 1884 года Адриан Яковлевич до назначения в Клоково три года проработал в Воробьёвском земском училище Московского уезда. В Клокове отец Адриан организовал два хора церковных певчих из учеников школы – один для Воскресенского храма, а другой для часовни в деревне Елизарово. Кроме пения в хоре мальчики помогали при богослужении, исполняя должности чтеца, пономаря, псаломщика и звонаря. Для большей торжественности богослужения в 1892 году митрополит Московский Леонтий утвердил прошение об учреждении при Воскресенской церкви села Клокова должности дьякона. Первым дьяконом стал бывший прежде псаломщиком Николай Сергеевич Никольский, а его место на клиросе занял Семён Фёдорович Горохов, житель Елизарова. С 1897 года на содержание притча стало поступать жалованье из Святейшего Синода.

Отец Адриан через несколько лет стал членом Московского епархиального братства святителя Алексия, которое занималось «призрением и воспитанием бесприютных и нравственно покинутых детей, находящихся в печальных нравственных и материальных условиях». Будучи назначен вторым священником к церкви Василия Исповедника в Новой Деревне (близ Рогожского вала в Москве), отец Адриан много потрудился в устройстве приютов и школ, а также размещал детей, содержание которых оплачивалось государством до достижения ими 15-летнего возраста, по крестьянским семьям. Когда летом он покидал Москву и служил в Клокове, то вывозил с собой малышей, уже испытавших нищету и «обманчивую сладость лени и порока». Кроме того, отец Адриан был благочинным Московского уезда и членом правления Московского епархиального общества борьбы с народным пьянством. Его публикации на разные темы часто встречаются в еженедельнике «Московские церковные ведомости».

Надо заметить, что основателем Всероссийского общества трезвости был митрополит Владимир (Богоявленский), и знающие люди рассказывали, что на этом он очень пострадал. Однажды на приёме у государя императора Николая Александровича вынесли поднос с рюмками вина, и государь лично поднёс рюмку митрополиту, а тот почтительно поклонился и сказал: «Ваше Императорское Величество! Я председатель Всероссийского общества трезвости». На следующий день он должен был ехать в Киев, и туда будто бы послали телеграмму: «Встречу не оказывать». Ему только выслали извозчика к поезду – так начался тернистый путь митрополита Владимира на древнейшей российской кафедре, завершившийся зверским расстрелом 25 января 1918 года. На Поместном Соборе 18 апреля того же года этот день – 25 января/7 февраля, или следующий за ним воскресный день, – был утверждён днём молитвенного поминовения исповедников и мучеников Российских; празднование восстановлено в 1991 году.

В 1925 году отец Адриан был священником Георгиевской церкви села Лыкова Владимирской области. Протокол допроса, записанный следователем ОГПУ со слов одного из очевидцев, сохранил свидетельство, что «26 ноября в престольный праздник святого Георгия староста Ершов и священник Ключарёв просили епископа Афанасия приехать для архиерейского богослужения. За вечерним богослужением 25 ноября старого стиля епископ Афанасий сказал проповедь, смысл которой в общих чертах сводится к следующему... Вторую проповедь он сказал за литургией 26 ноября после чтения Евангелия на тему праздника...» Архиерейское облачение, в котором служил владыка Афанасий (Сахаров, епископ Ковровский; 1887-1962; священноисповедник; память 15/28 октября и в Соборе Новомучеников и Исповедников Российских), долгие годы хранилось в Троицке, а в июне 2003 года передано в музей Московской духовной академии и семинарии.

Сведений о дальнейшей судьбе отца Адриана не обнаружено, но благодаря его энергичным трудам стало возможным в наши дни восстановить память о Клокове. Добрые люди сохранили небольшую брошюру, составленную и изданную священником А. Ключарёвым в 1899 году «Воскресенская села Клокова церковь. Описание по историческим источникам». Изложенное в ней и помогло восполнить значительный пробел в познании здешних окрестностей.

XX век оставил голую поляну вместо процветавшего Воскресенского храма. После революции церковное имущество разграбили, потом «именем советской власти» изъяли остатки, под катком репрессий стали пропадать священники и, наконец, в 30-х церковь закрыли. Она простояла заброшенной вплоть до хрущёвских гонений, постепенно подвергаясь разрушению от местных обитателей, которым требовался кирпич на гаражи, сараи и всевозможные хозяйственные пристройки, и как-то незаметно исчезла совсем. Здание школы одно время использовалось по назначению, а после войны здесь был клуб с танцами по выходным, с кинопередвижкой и комсомольскими свадьбами, но со временем и это сошло на нет. Последней запоминающейся страницей сельской летописи минувшего столетия можно считать убийство на клоковской даче 3 июля 1998 года депутата Государственной Думы, 49-летнего генерал-лейтенанта Льва Яковлевича Рохлина. Будучи командующим расквартированного в Волгограде и находящегося на грани развала 8-го гвардейского корпуса, преемника сражавшейся в Сталинграде знаменитой 62-й армии, Рохлин сумел настолько повысить боевую подготовку личного состава, что во

время новогоднего штурма Грозного 1 января 1995 года именно его войска смогли переломить ход почти провалившегося наступления российской армии. Он был представлен к званию Героя России, но отказался, заявив, что на гражданской войне нельзя быть героем. Загадочное убийство генерала считается не раскрытым.

Сегодня Клоково – не село, и даже не деревня, скорее это дачный посёлок деревенского типа с весьма разношерстным и мало дружелюбным пришлым населением. Коренные клоковцы давно разъехались кто куда, большинство в поисках работы перебрались в города, в том числе в Троицк и Наро-Фоминск, многие сохранили за собой родительские дома, используя их в летнее время как дачи. Они по привычке навещают в положенные дни зарастающее мелколесьем старое кладбище – самое древнее из сохранившихся в округе, на котором ныне редко кого хоронят, приводят в порядок родные могилы. Ни они сами, ни их дети уже не знают, кого скрывают старинные кладбищенские надгробия, неухоженные и полуразвалившиеся, со стёртыми, едва читаемыми надписями. Они живут, словно не рождались, и умирают, словно никогда не жили, как склеенные страницы не востребованной книги. Напротив кладбища за оврагом, в обветшавшем здании бывшей церковно-приходской школы доживают свой век старожилы из переселенцев, перед алтарём исчезнувшего храма, где мальчишки гоняют футбольный мяч, всё ещё растёт одинокая берёза. Теперь уже никто не вспомнит когда именно, но однажды, когда, говорят, богоборческие страсти поутихли, чудесным образом из земли на склоне холма между кладбищем и берёзой прощальной слезой пробился этот самый источник, ненавязчиво заставляя всех приходящих к нему за водой низко кланяться осиротевшему ангелу давно не существующей церкви Воскресения Словущего.

Сергей Санков, 2008

ПРИМЕЧАНИЯ:

*– *Клецки*, клетсцы – четырёхугольный оклад здания наподобие клетки, в противоположность *шатровому*. “Церковь в Онежье одна тёплая шатровая, а другая клецким” – запись 1635 года в «Материалах для словесности и грамматики».

** – *Дска* (доска) – верхняя часть престола в алтаре, которую иначе называют *трапезой*.
1 аршин 6 вершков = 98 см.

